

Возвращение на Трэدد-стрит

Автор:

[Карен Уайт](#)

Возвращение на Трэدد-стрит

Карен Уайт

Tradd Street #4Зарубежный романтический бестселлерРоманы Карен Уайт

У Мелани Миддлтон проблемы. Она беременна, а с Джеком, ее возлюбленным, у нее наметился кризис в отношениях. Ко всему прочему ее выматывают работа риелтором, мистическая способность видеть призраков и страх перед будущим – Мелани кажется, что она не готова стать матерью и радикально изменить образ жизни. Последней каплей становится то, что по ночам она начинает слышать чей-то плач, и вскоре в фундаменте дома, который ей остался по наследству, находят чьи-то останки. Эта история уходит корнями в девятнадцатый век, но ее последствия Мелани начинает ощущать прямо сейчас.

Карен Уайт

Возвращение на Трэدد-стрит

Глава 1

Я открыла глаза. Я была в моей спальне в доме на Трэدد-стрит. В щели в деревянных ставнях пробивались стрелы света. Тонкие тюлевые занавески, призванные, по мнению моей матери, добавить женственности в спартанское мужское пространство, мягко колыхались в струях холодного воздуха, проникавших сквозь вентиляционное отверстие, спрятанное в широком

плинтусе. К моей щеке прижимался мокрый нос и мохнатое ухо, а хвост Генерала Ли обмахивал мне лицо. Увы, ни одно из этих средств создания комфорта не ослабило напряжения в моей груди, которое вновь напомнило о себе, стоило мне проснуться. Реальность жизни вновь обрушилась на мою голову, словно лавина, не зная никаких препятствий.

Казалось бы, я всю жизнь контролировала свои шаги и решения и то, что считала целеустремленной карьерой успешного риелтора. И вдруг неожиданно для себя оказалась в высшей мере невообразимом и необычайно щекотливом положении: мне сорок лет, я не замужем и – что самое странное – беременна. Я посмотрела на прикроватную тумбочку. Мой взгляд упал на небольшие куполообразные юбилейные часы, некогда принадлежавшие предыдущему владельцу дома, Невину Вандерхорсту.

Как и все остальное в спальне и во всем доме, я сохранила их, хотя не совсем понимала почему. Я привыкла убеждать себя, что если я не наложу на дом слишком явственного личного отпечатка, то в будущем мне будет легче его продать. Но иногда, как, например, сейчас, мне казалось, будто я слышу голос мистера Вандерхорста, как он рассказывает мне о любви, которую питал к родовому гнезду своей семьи. Это часть истории, которую можно подержать в руках. Сначала я не совсем понимала, что он имел в виду, но теперь, похоже, до меня начало доходить.

Я старалась не замечать эту связь между историей и семьей. Хотя я уроженка Чарльстона со своим собственным багажом генеалогического древа и старых домов, в конце концов, я прекрасно обходилась без них почти тридцать три года. По крайней мере, до тех пор, пока моя мать, бросившая меня, когда мне было шесть лет, не решила, что нам пора помириться.

Я прищурилась, глядя на круглый циферблат, молча проклиная свое решение не заменять мои электрические часы на аналоговые, только с еще более крупными и яркими неоновыми цифрами, которые я могла видеть без очков. Порывшись в прикроватной тумбочке, я нашла очки и надела их себе на нос. Семь тридцать. Я вздрогнула, испытав ужас от того, что вновь проспала. Не скажу, чтобы кто-то приходил на работу в «Бюро недвижимости Гендерсона» раньше девяти, но с тех пор, как начала там работать, я, как верный страж, всегда сидела за своим столом уже в восемь утра. Как по часам. Неудивительно, что начиная с самого первого года работы мое имя ежеквартально возглавляло в конторе мистера Гендерсона список лидеров продаж. Рекорд, который до недавнего времени

никто не мог побить.

Я уже было приготовилась спустить ноги с кровати, когда комната накренилась и содержимое моего желудка, оставшееся с прошлой ночи, потребовало к себе внимания. Я со стоном откинулась на подушку, чувствуя себя ничуть не лучше, даже несмотря на влажный язык Генерала Ли. Короткий стук в дверь возвестил, что это миссис Хулихан. Моя экономка вошла в спальню, неся тарелку с соленым печеньем.

– Похоже, я вовремя. Ваша мама велела мне каждое утро ставить их вам на тумбочку. Прежде чем отрывать голову от подушки, вам надо съесть пару штук.

Я унаследовала миссис Хулихан вместе с собакой и домом.

Если честно, я все еще сомневалась в достоинствах двух последних, но миссис Хулихан была на вес золота. Рассмотрев же ее пышную грудь и широкие бедра, я поняла, что это впрямь значительная сумма.

– Спасибо, миссис Хулихан, – сказала я. Взяв предложенный крекер, я приставила его к сухому языку, чтобы он сам растворился, опасаясь, что, если я буду слишком энергично жевать, мой желудок этому воспротивится. Я закрыла глаза, чтобы комната не шла кругом, и снова услышала звук. Похоже, именно он и разбудил меня, хотя я и забыла о нем, как только вновь открыла глаза.

– Вы слышали? – спросила я, по двум причинам лежа неподвижно, чтобы лучше слышать и чтобы меня не вырвало от резкого движения.

– Что именно? – миссис Хулихан встретилась со мной взглядом.

Звук был настолько слабым, что его было проще проигнорировать. Если бы не одно «но»: его сопровождал порыв холодного воздуха, как будто где-то рядом только что распахнулась дверь в склеп.

– Плач ребенка, – сказала я. И как будто он тоже его услышал, Генерал Ли спрыгнул с кровати и выбежал за дверь. Я сказала себе, что это потому, что он голоден и побежал на кухню, рассчитывая там чем-то поживиться.

Миссис Хулихан улыбнулась и подошла к двери.

– В этом доме нет младенцев, по крайней мере, пока. Наверно, вы слышите кошку на тротуаре. Или же ваши уши обманывают вас, помогая вам подготовиться к тому, что ждет вас дальше. – Она остановилась и вновь повернулась ко мне лицом. Ее дородные телеса заполнили весь дверной проем. – Я приготовлю вам немного зеленого чая без кофеина, который принесла Нола. Просто лягте и продолжайте есть крекеры, пока не почувствуете, что можете сесть.

Она указала на маленький колокольчик, который моя мать поставила рядом с часами.

– Просто позвоните мне, если я вам понадобится.

Под моим окном раздалось громкое урчание мотора. Я даже вздрогнула.

– Что это? – спросила я, выплевывая соленые крошки на ворот моей ночной рубашки.

– Это подрядчик Рич Кобилт занимается очисткой фундамента. Он сказал, что сообщил вам на прошлой неделе, что вам лучше припарковать машину на улице, чтобы у него был доступ к саду за домом.

Преодолевая мутный туман тошноты, я перевела взгляд на свой старый мобильник и новый айфон. Ни тот ни другой я не включала со вчерашнего дня, когда около шести вечера притащилась с работы и рухнула на кровать. Я смутно вспомнила разговор с мистером Кобилтом, даже то, что мне неким чудом удалось избежать полного обзора заднего «декольте» его вездесущих сползающих штанов. Возможно, я даже сделала пометку в своих различных календарях, от которых, увы, с выключенными кнопками питания было мало толку. Мой настольный календарь в офисе, вместо тщательно записанного графика деловых встреч, был исчиркан каракулями, а вернее портретами Того-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени. Взятое в грубо нарисованные виньетки, его лицо было искажено гримасами различных предсмертных мук средневекового типа. Я закрыла глаза и застонала.

– Не волнуйтесь. Ваш отец пришел раньше и переставил вашу машину, чтобы вы могли поспать подольше. Не торопитесь и просто крикните мне, если вам что-то понадобится. Пойду, накормлю Генерала Ли.

Пес как будто услышал свое имя, так как снизу тотчас раздался резкий лай. До того как меня стала мучить утренняя тошнота, вызванная беременностью, у нас с ним была общая биологическая потребность питаться в определенное время в течение дня. По его лаю или по моей возросшей раздражительности можно было проверять часы. Теперь же сама мысль о еде выворачивала меня наизнанку. Я вскочила с кровати и едва успела добежать до ванной.

Через полтора часа я на ватных ногах спустилась вниз. После повторного мытья волос и трехкратной замены макияжа, вследствие неоднократных забегов с целью избавить мой желудок от его содержимого, я сдалась. Лишь вновь собрала волосы в хвост и нанесла на нос немного пудры. Я даже не стала надевать очки, так как мне было совершенно неинтересно видеть результаты моего туалета.

На столе рядом с дымящейся чашкой обещанного зеленого чая без кофеина на тарелке лежали два сухих тоста – без глютена, пшеницы и вкуса. Напротив сидела моя мать, бывшая оперная дива Джинетт Приоло. Глядя на нее, вы бы подумали, будто она только что сошла с рекламы универмага «Гвинн». Хотя ей уже за шестьдесят, она легко сойдет за кого-то по крайней мере на десяток лет моложе, или даже за брюнетистую версию Долли Партон, правда, без южного акцента и с чуть менее пышным бюстом. Единственным утешением моей беременности было то, что впервые в жизни у меня появилась причина носить нижнее белье, не напоминающее спортивный бюстгальтер.

Я села перед тостом и постаралась не думать про пончик с шоколадом.

– Доброе утро, мама. Что привело тебя сюда так рано?

Она сделала небольшой глоток чая.

– Разве мне нужна причина? Ты мой единственный ребенок и вот-вот родишь моего первого внука, разве этого мало?

Я пристально посмотрела на нее.

– Тебе звонила Нола, не так ли? – Нола – дочь-подросток Того-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени. Она приехала в Чарльстон в начале этого года, после того как ее мать Бонни умерла в Калифорнии, и между нами завязалась дружба.

До недавнего времени, пока мой дом не был признан пригодным для проживания после колоссального – и опустошительного для моего банковского счета – ремонта фундамента, она жила со мной и моей матерью в доме последней на Легар-стрит. Слегка безбашенная, забавная, музыкально одаренная и умная – она была бы идеальным подростком, если бы не ее неудачный выбор отца.

– Нола беспокоится о тебе. Она не получала от тебя никаких известий с тех пор, как ты вернулась сюда. Джек тоже не говорит с ней о тебе.

Я сердито посмотрела на нее.

– Ты же знаешь, мы здесь не упоминаем это имя. – Я точно знала: миссис Хулихан стоит позади меня, и легко представила себе, как она поднимает брови, глядя на мою мать.

– Мелани, дорогая. Вы с Джеком станете родителями одного и того же ребенка. Рано или поздно тебе придется с ним поговорить. Пока что мяч на твоей площадке. Он просил тебя выйти за него замуж, но ты отказалась. Думаю, ты должна хотя бы объяснить причину своего отказа.

Судя по вопросительному взгляду моей матери, она считала, что Джек не единственный, кому полагается объяснение.

– Я ответила ему отказом по той же причине, – сказала я с преувеличенным терпением, – по какой Бонни не рассказала ему о Ноле. Она знала: как джентльмен, он предложит поступить «правильно». Мне не нужны его «правильные» поступки. Он уже дал понять, что не любит меня, и я не хочу выходить замуж по какой-либо иной причине. – Я почувствовала, как на глаза мне вновь наворачиваются эти адские слезы. – И я определенно не собираюсь тратить мое драгоценное время на погоню за ним, чтобы заставить его передумать.

– Но он любит тебя, Мелли. Я это точно знаю.

Я попыталась фыркнуть, но издала, скорее, всхлип.

– Верно. Тогда почему он ответил «извини», когда я сказала ему, что люблю его? – Я взяла кусок тоста и впилась в него зубами, хотя бы для того, чтобы скрыть предательское дрожание губ. Гормоны беременности в сочетании с отвергнутым признанием в любви и предложением руки и сердца, основанным на сострадании, подорвали мою стойкость и уверенность в себе. Крайне сомнительно, что они когда-нибудь вернутся ко мне. Кроме того, я строила свою жизнь исходя из того, что если притвориться, что чего-то нет, это нечто в конечном итоге уйдет само. По крайней мере, это обычно срабатывало, когда дело касалось призраков умерших людей.

– Ты знаешь, как бы ты это ни игнорировала, оно никуда не денется. – Очевидно, прочитав мысли, моя мать, которая к тому же еще и экстрасенс, выгнув бровь, посмотрела на меня. Я сосредоточилась на чае и тосте, не обращая внимания на крошки, падающие мне на темно-синюю юбку и пиджак. Юбка держалась на резинке и скрепках, пиджак застегивался на пуговицы так, чтобы скрыть мои ухищрения. К сожалению, от постоянных усилий пуговица держалась на пиджаке только на честном слове. Почувствовав на себе взгляд матери, я медленно подняла глаза.

– Мне тоже приснился сон, – тихо сказала она.

Если не считать всплесков воды, так как миссис Хулихан мыла что-то в раковине, и чавканья в миске Генерала Ли, в комнате воцарилась гробовая тишина. Моей матери не снились обычные сны, и мы обе это знали. У нее бывали «видения». Последнее видение вернуло ее в мою жизнь, чтобы спасти меня. И то, что ей явилось новое, было не менее значимым.

– И кто в нем был? – спросила я, запивая чаем сухой тост.

– Плачущий ребенок.

Кусок застрял у меня в горле.

– Плачущий ребенок?

Она прищурилась.

– Значит, ты тоже его слышала.

Я закатила глаза, слишком поздно сообразив, что, наверное, в эти мгновения похожа на Нолу.

– Неужели у меня нет от тебя секретов?

Она мягко улыбнулась.

– На самом деле, нет. Впрочем, – добавила она, отодвигая чашку, – возможно, это не связано с тобой и твоей беременностью.

Я пристально посмотрела на нее.

– Я что-то почувствовала, когда услышала плач. Что-то мощное и необязательно хорошее. И вместе с тем отстраненное, как будто оно не было связано со мной, а лишь хотело объявить о своем присутствии. – Она умолкла. В иной ситуации я бы сочла это молчание дурным знаком. Но она тут же продолжила. – И может быть, это была просьба о помощи.

Почувствовав на себе взгляд матери, я вздрогнула. В моей жизни было и так слишком много осложнений, и еще одно лишнее мне совершенно ни к чему. Я убеждала себя, что этот звук мне послышался, что он не имеет ко мне никакого отношения. Что тот человек, живой он или мертвый, не просил у меня того, что я не была готова дать.

Я посмотрела на свою пустую тарелку. Способность общаться с мертвыми – это наш с матерью общий дар. Вернее, это она называла его даром, я же считала занозой в одном месте. Хотя тогда я не подозревала об этом, именно эта способность разлучила нас с матерью, когда я была ребенком, но именно она снова нас сблизил. Я была благодарна ей за это, а также за то, что мы, не привлекая к себе постороннего внимания, смогли отправить к свету несколько беспокойных духов. Но мой собственный дух был слишком взбудоражен, чтобы

думать о том, что происходило в ночи. Или плакало ранним утром.

– Этот дом мой уже довольно давно, и я успела выучить его призраков, – с жаром заявила я. – Мы отправили Луизу Вандерхорст и Джозефа Лонго туда, где им положено быть, и с тех пор я не видела ни их, ни Невина Вандерхорста. Тут есть еще пара-тройка мирных духов, и мы счастливы не мешать друг другу. И уж точно никакого ребенка, равно как и причин, чтобы ему тут быть.

– Насколько нам известно, – добавила моя мать.

Я было открыла рот, чтобы заспорить, но тут кто-то постучал в дверь. Мы с матерью переглянулись, ощущая одинаковый узел страха в том месте, где сердце встречается с душой.

Миссис Хулихан открыла дверь ипустила моего сантехника-подрядчика Рича Кобилта. С тех пор как я унаследовала дом на Трэдд-стрит, Рич стал такой же неотъемлемой его особенностью, как осыпающаяся штукатурка и потрескавшийся фундамент. Меня частенько посещал вопрос, а не выделить ли ему комнату и не брать с него арендную плату, короче, все что угодно, лишь бы ускорить нескончаемые реставрационные работы в доме.

Рич вошел на кухню и, прежде чем заговорить, подтянул сползающие штаны. Я отпрянула. Это всегда был верный знак того, что у него для меня дурные вести. Он всегда сопровождался в моей голове воображаемым звяканьем кассового аппарата, высасывающего с моего банковского счета очередную сумму.

– Доброе утро, мисс Миддлтон, мисс Приоло. – Он кивнул нам обеим.

Миссис Хулихан принесла большую кружку кофе с ложкой сливок, два куса сахара и сунула ее ему в руки.

«Пора выставить ему счет и за кофе», – подумала я. Предлагать ему стул я не стала, ошибочно полагая, что чем меньше времени он проведет в моем присутствии, тем меньше денег мне придется истратить. И снова в моей голове заманчиво возник образ парковки на его конкретном месте на Трэдд-стрит.

– Что случилось? – спросила я. Эти два слова обычно следовали за моим стандартным приветствием.

Рич взял дымящуюся кружку, но не сделал ни одного глотка. Я заметила, что под шляпой он был бледнее обычного. Вскоре после того, как он приступил к реставрации дома, я поняла, что он чувствителен к присутствию беспокойных духов и что порой они сообщают ему о себе довольно назойливым образом. И все же я затруднялась сказать, то ли он пребывал в стадии отрицания, то ли действительно не понимал, что, когда банки с краской опустошались сами собой, это вряд ли была чья-то шутка или его неспособность вспомнить, что он израсходовал всю краску.

Рич виновато посмотрел на меня. Я медленно выдохнула.

– Это не очередная проблема с фундаментом, если вы так думаете, – сказал он.

– Какое облегчение. – Я в упор посмотрела ему в лицо, пытаюсь понять, говорит ли он правду. – И что же это?

Рич вновь поддернул штаны, как будто нарочно тянул время. Похоже, он не хотел говорить, точно так же, как я не хотела слышать.

– Ну, вы знаете, мы тут устроили в вашем саду большую кучу строительного мусора. Выкопали старый фундамент и заменили его на новый. Когда мы вытаскивали старье, мы не особо его разглядывали, потому что знали, что в дело оно больше не пойдет. Сегодня я пригнал сюда самосвал и погрузчик, чтобы убрать мусор, и в середине второй загрузки мы увидели это.

Мне показалось, что он побледнел еще сильнее.

Моя мать встала, и я увидела, что ее рука слегка дрожит. Она потянулась ко мне и коснулась моих пальцев. Между нами как будто пробежал электрический ток. Я схватила ее за руку, вспоминая нашу общую мантру. Мы произносили ее всякий раз, когда сталкивались с самыми враждебными духами: мы сильнее вас.

– Что же вы увидели? – уточнила я на удивление спокойным голосом.

Он оглянулся через плечо, как будто боялся, что то, что он только что откопал, подкрадывается к нему сзади. По моему телу пробежала дрожь, и я заподозрила, что, возможно, он прав.

– Кости. В небольшом деревянном ящичке. Определенно человеческие. – Его рука слегка дрожала, и кофе выплеснулся через край его кружки. – Детские.

Моя мать еще крепче вцепилась в мою руку. Наши взгляды встретились. На меня как будто давила тяжесть всего мира, и на мою и без того разрушенную жизнь, пронзив рикошетом мой мозг, обрушилась мысль: не было печали...

Глава 2

Я сидела на диване в парадной гостиной. С одной стороны от меня расположилась мать, с другой – отец. Я не просила никого из них присутствовать, но чуть не всплакнула от благодарности, когда они заняли свои места на диване. В последнее время у меня сложилось слишком тесное знакомство с полицейскими мигалками, желтой лентой вокруг места преступления и зарытыми на моем участке трупами, но это все равно был шок. Я едва оправилась от того, как менее двух лет назад нашла в фонтане останки Луизы Вандерхорст и Джозефа Лонго, а теперь, похоже, в фундаменте дома было замуровано еще одно тело. Я начала принимать эти вещи слишком близко к сердцу.

Напротив нас сидел детектив Томас Райли. Его мощная фигура с трудом уместилась на одном из двух одинаковых чиппендейловских стульев. У детектива были светло-каштановые волосы с обесцвеченными кончиками, как будто он проводил много времени на открытом воздухе, и спокойные карие глаза на лице с резкими линиями и углами, с которого можно было писать портрет типичного солдата. Возможно, виной тому мои бушующие гормоны беременности, но я пялилась на него во все глаза. Есть в чарльстонских мужчинах нечто особенное. Возможно, грязь окружающих Чарльстон болот или летний зной, опалявший подошвы ваших туфель, если вы слишком долго оставляли их на тротуаре, который просачивался в кровоток будущих мамочек, беременных мальчиками. Даже если это включало в себя и Того-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени.

– Вы родом из Чарльстона? – спросила я еще до того, как осознала, что открыла рот. Он удивленно посмотрел на меня, и я поняла, что пока я грезилась, представляя себе, как перекачиваются под рукавами рубашки его бицепсы и какие у него большие ступни, чтобы ему были в пору эти огромные башмаки, он, вероятно, обсуждал человеческие останки, найденные в фундаменте моего дома.

– Да. Вообще-то, моя мать родом из Ирландии, но отец родился и вырос здесь. И он, и мой дед работали в полицейском управлении Чарльстона, но я первый детектив в нашей семье.

Он улыбнулся, заставив мои гормоны сплясать джигу. Впрочем, я по-прежнему не могла избавиться от чувства, что, сколь красивой ни была его улыбка, она всегда будет бледнеть по сравнению с другой, на другом красивом лице, которое продолжало преследовать меня в снах каждую ночь.

Не зная, что сказать, я откинулась назад. Очевидно, пытаюсь ответить на вопрос детектива, который был задан мне, мать поспешила прийти мне на выручку.

– Мелани владеет домом около двух лет, – сказала она. – Боюсь, она мало что знает об истории дома. Только то, что с момента постройки в 1848 году он принадлежал семье Вандерхорст. Она унаследовала его от Невина Вандерхорста.

– Она родственница?

Я села прямо, зная, к чему ведет его черед вопросов.

– Нет. Мы познакомились, когда меня позвали сюда помочь выставить дом на продажу. Но потом он внезапно умер и завещал дом мне.

Ручка детектива Райли замерла над блокнотом.

– Вы встречались с мистером Вандерхорстом только раз, но он оставил этот дом вам в наследство?

– Поверьте, я сама была удивлена. Мой дед и его отец были лучшими друзьями, так что, должно быть, для него это было чем-то вроде семейного родства.

Я предпочла опустить часть истории о том, что видела в саду призрак Луизы Вандерхорст, матери Невина, и что он был убежден, что она меня одобряет. Этого одобрения, вкупе с тем, что у него не было близких родственников, оказалось достаточно, чтобы против моей воли сделать из меня наследницу его обветшавшего дома и всех его призраков. Не говоря уже про собаку и домработницу.

Томас Райли поднял брови.

– У вас, должно быть, мощный дар убеждения.

Я покраснела.

– Поверьте, никаких уговоров не было. Ненавижу старые дома. – Скорее это было сказано по привычке, нежели на основании каких-либо давних убеждений, но я не хотела, чтобы он подумал – как многие люди, – что я неким образом принудила мистера Вандерхорста отписать мне дом. В то время я воспринимала его как огромную зияющую денежную яму, которая могла бы стать прибыльной парковкой. Теперь моя вера в это дала большую трещину, хотя, если честно, меня время от времени посещала мысль о том, а не полить ли мне фундамент бензином и не поднести ли к нему спичку. Особенно после очередного разговора с Ричем Кобилтом, когда тот сообщал мне, что вновь требуется починить нечто очень серьезное и дорогостоящее.

– Но разве вы не специализируетесь на исторической недвижимости Чарльстона?

Я терпеливо улыбнулась.

– Да, но это лишь потому, что я умею воспринимать и оценивать ее без предвзятости. Если честно, я и старые дома не очень ладим между собой.

Детектив откинулся назад и положил ручку, как бы показывая, что то, о чем он собирался меня спросить, было не для записи.

– Это почему же?

Я кивнула.

– У меня на то несколько причин. – Я покосилась на мать. – Но в основном потому, что затраты на его содержание и восстановление, похоже, идут вразрез с любым пенсионным планом. Это как взрослые дети, которые отказываются покидать родительское гнездо и ждут, что вы всегда будете их содержать.

В уголке его рта мелькнула улыбка.

– Понятно, – сказал он, снова что-то записывая. Его теплые карие глаза встретились с моими. – Похоже, мне придется покопаться в истории семьи Вандерхорстов, чтобы понять, кому могут принадлежать останки. Кстати, наряду с останками был обнаружен еще ряд вещей, которые также могут дать ключ к разгадке.

Я не стала спрашивать, что это может быть. Я была рада спихнуть на него все проблемы, чтобы работы по ремонту фундамента, наконец, завершились и я могла начать заново строить свою жизнь.

– Вы можете связаться с доктором Софи Уоллен-Араси, – сказала я, желая, чтобы все это как можно скорее закончилось. – Она преподаватель Чарльстонского колледжа, работает на кафедре сохранения исторических памятников и по какой-то причине совершенно очарована этим домом. Она много знает об истории дома и с удовольствием вам все расскажет. Просто выкроите пару часов, чтобы ее послушать.

Софи была моей лучшей подругой, и нашу дружбу вполне можно считать одним из чудес света. Трудно было свести вместе столь непохожих людей, как мы. Она обожала тофу, а я гамбургеры, она – «биркенстоки», а я – лодочки от Тори Берч, она – комиссионки «Гудвилл», а я – бутики на Кинг-стрит. Но я любила ее, как родную сестру, – почти всегда – и не могла представить без нее свою жизнь.

Я продолжила.

– Она и ее новый муж, Чэд Араси, отправились провести медовый месяц в Анголу, чтобы научить тамошних фермеров методам зеленого земледелия, но они вернутся в следующий четверг.

Детектив снова поднял брови, но я не стала вдаваться в подробности. Было много такого, чего не могла объяснить даже лучшая подруга.

Миссис Хулихан принесла нам кофе и положила на тарелку несколько пирожных. Пока мои родители болтали с детективом Райли, я быстренько переместилась к краю дивана, чтобы, пока никто не видит, дотянуться до тарелки. Меня все еще терзал голод, и я была слишком рада признакам аппетита, чтобы себя ограничивать. Моя рука уже была на полпути к тарелке, когда натяжение пиджака на моем животе внезапно ослабло и единственная пуговица на нем, которая держалась на честном слове, сдалась, пулей выстрелила из лопнувшей нити и, рикошетом отскочив от серебряного кофейника, попала детективу Райли прямо в лоб.

– Ох, – ойкнул он, наполовину привстав со стула. Его рука машинально потянулась к пистолету, но вскоре замерла на полпути, как только он заметил на кофейном столике злосчастную пуговицу. Увидев на лбу детектива ярко-красную отметину, стоявшая в дверном проеме миссис Хулихан поспешила выйти из комнаты.

– Пойду принесу льда, – бросила она на ходу.

– Извините, – сказала я убитым голосом.

Взгляд детектива Райли задержался на моем округлившемся животе.

– Она беременна, – сказала моя мать примирительным тоном, похожим на тот, которым она уговаривала меня надеть на вечеринку по поводу моего сорокалетия красное платье с глубоким вырезом. Кстати, именно из-за этой вечеринки я и оказалась в положении, в котором сейчас пребывала. – Она еще не успела купить одежду для беременных.

– Простите, – сказал он с растерянным выражением лица. – Я не знал, что вы замужем...

– Она не замужем, – в один голос сказали мои родители.

Я съежилась, пытаюсь забиться под обивку дивана. Детектив явно чувствовал себя неловко.

– Извините, я не делал никаких предположений. – Он улыбнулся и, очевидно, призвав на помощь присущий всем чарльстонским мужчинам шарм, добавил. – Просто мне всегда кажется, что все красивые женщины уже заняты.

– О, она определенно свободна.

Мы все обернулись. К нам из прихожей шагал Джек, а за ним с пакетом замороженного горошка и кухонным полотенцем следовала миссис Хулихан. Поспешно завернув пакет в полотенце, она вручила его детективу Райли.

– Мама! – Я укоризненно посмотрела на мать. Существовала только одна причина, которая могла привести Джека на мой порог. Положив на журнальный столик пакет из книжного магазина «Голубой велосипед», Джек поздоровался с моими родителями, пожал отцу руку, поцеловал в щеку мою мать и медленно выпрямился, сверля меня морозно-голубыми глазами.

– Привет, Мелли. Давненько не виделись.

Согласна, у него имелись все основания точить на меня зуб. Когда ваше предложение руки и сердца отвергнуто, объект предложения должен быть готов к неким враждебным действиям. Но в течение прошедшего с тех пор месяца Джек ни разу не позвонил, не отправил сообщения и даже не прислал Нолу, чтобы переубедить меня. Или спросить меня, почему. Не то чтобы это заставило меня передумать. Но я и наш ребенок как будто просто перестали для него существовать. На какое-то время я убедила себя, что именно этого я и хотела. Теперь же, увидев его и испытав тот легкий скачок артериального давления, который он неизменно вызывал, я задумалась, как мне вообще удавалось вставать каждый день с постели.

Тем не менее для отвергнутого любовника он выглядел слишком хорошо, и это разозлило меня еще больше.

– Привет, Джек. – Я была горда тем, насколько нейтральный тон мне удавалось держать. – Ты заблудился? Клиника эректильной дисфункции находится на Брод-стрит, а ты пришел на Трэдд-стрит.

Мать бросила на меня предостерегающий взгляд.

– Я позвонила Джеку, так как он великий мастер по части разгадывания тайн, и я подумала, что он может мне чем-то помочь.

– Джек? Писатель Джек Тренхольм?

Все еще сжимая в левой руке пакет замороженного горошка и полотенце, детектив Райли встал. Шишка на его лбу начинала набухать и темнеть. Меня же мучил вопрос, что он скажет людям. Я еще ниже сползла по дивану. Мысли о пирожном улетучились из моей головы с той же скоростью, что и летающая пуговица. Джек оценивающим взглядом посмотрел на детектива.

– Да, это я. А вы?..

– Детектив Томас Райли из полицейского управления Чарльстона.

Он протянул руку, и двое мужчин обменялись рукопожатием.

– Я ваш поклонник. Мои родители, сестры и я – поклонники вашего творчества. Мы не припоминаем, чтобы нам раньше приходилось так долго ждать выхода вашей новой книги.

По лицу Джека промелькнула темная тень. Его заклятый враг и мой бывший кавалер, бизнесмен Марк Лонго, неким образом сумел разузнать последнюю историю Джека, связанную с исчезновением Луизы Вандерхорст. И хотя покойная Джулия Маниго поручила Джеку написать еще одну историю о ее собственной семье, то, что Марк Лонг украл его историю, стало для него ударом, от которого он вряд ли мог легко оправиться. Или который мог легко простить.

Джек натянуто улыбнулся.

– Да, были неожиданные задержки. Но я надеюсь, что в следующем году выйдет еще одна книга. – Джек посмотрел на пакет с горошком в руке детектива, затем на его лоб, как будто впервые заметил растущую на глазах шишку. – Это Мелли вас ударила?

– Не совсем. – Томас посмотрел на Джека, затем на меня, как будто пытаюсь что-то понять. И, похоже, понял, потому что его глаза полезли на лоб. – Почему вы спросили? Она раньше вас била?

Я встала.

– Одну минутку... – начала я, посмотрев на своих родителей в поисках моральной поддержки, но те, похоже, были заняты пересчитыванием нитей обюссонского ковра.

Меня перебил Джек.

– Исключительно образно.

Я медленно опустилась на диван, не в силах спорить. При всей жалости к себе и праведном возмущении я знала: он прав. Пытаясь спасти разговор, я переключила внимание на детектива.

– Так что же нам делать дальше?

– На самом деле ничего. Боюсь, нам придется оставить ваш сад в беспорядке, пока следователи не получат возможность все тщательно изучить, так что я рассчитываю на ваше терпение. И я свяжусь с доктором Уоллен-Араси, когда у нее закончится медовый месяц. Посмотрим, сможет ли она пролить свет на принадлежность останков и почему они были спрятаны в фундаменте вашего дома.

Бесплотный звук плачущего ребенка витал вокруг нас, как струйка дыма, такой тихий, что я могла принять его за игру воображения, если бы не дрожащая рука моей матери, когда она ставила свою чашку на блюдце.

Голос моей матери прозвучал гораздо спокойнее, чем она выглядела.

– Вы сказали, что нашли с останками что-то еще. Вы можете описать нам, что это было?

Я поймала себя на том, что качаю головой, хотя у меня уже было ощущение, что все мои попытки спрятаться от потерянных духов пошли прахом в тот момент, когда я проснулась от плача ребенка.

– Что-то похожее на старое кружевное платье и чепчик, вроде тех, что надевают на младенцев при крещении. Это на первый взгляд свидетельствует, что ребенка не просто выбросили. Тот факт, что ребенок похоронен в платье, говорит нам о том, что он или она был либо крещен перед похоронами, либо его или ее было крайне важно похоронить в нем.

Плач сделался громче, и я подумала, что его могут услышать и другие. Но я давно уяснила: этот дар или это проклятие, или как там его называть, доступен весьма немногим.

Моя мать встала, и все остальные тоже.

– Что ж, тогда мы не хотим отнимать у вас время. – Она взяла детектива под руку и повела его в прихожую и к входной двери. – Пожалуйста, не стесняйтесь звонить, если у вас появятся дополнительные вопросы.

Я уже было открыла рот, чтобы спросить, к чему такая спешка, но внезапно ощутила затылком холодок, как будто на нем остановилась пара невидимых глаз. Мой отец и Джек выглядели в равной степени озабоченными, когда мать практически вытолкала детектива на переднее крыльцо, а затем, после короткого формального прощания, буквально захлопнула дверь перед его носом.

Ее грудь взволнованно вздымалась и опускалась, и прежде чем потянуться ко мне, она прижала руку к сердцу.

– Ты кого-нибудь видишь? – спросила она. Мой отец и Джек тотчас поняли, что ее вопрос предназначен не им. Чувствуя затылком холод, я не глядя покачала головой. Мать крепко сжала мою руку.

– Мелли, ты слышала этого ребенка до сегодняшнего дня?

– Нет, – прошептала я, понимая, куда она клонит.

– Есть причина, почему он до сих пор молчал. Скорее всего, это из-за того, что останки выкопаны из-под земли. – Она умолкла, и я попыталась отодвинуться. – Или же это также может быть связано с твоей беременностью.

Меня охватили паника и отрицание. Я судорожно подыскивала слова, чтобы ей возразить. Джек шагнул к моей матери.

– Неужели ребенок в опасности?

Гормоны, мое разбухшее тело, неудобная одежда, холодное дыхание на затылке и потусторонний плач – вместе взятые, они никак не содействовали моей решимости держать эмоции в кулаке. Я выплеснула их на Джека, как на ближайшую доступную мишень для моего накопившегося раздражения. Впрочем, несмотря на все то, что произошло между Джеком и мной, я все еще любила его, любила каждой частицей своего сердца, какая только была способна любить другого человека.

– И тебе вдруг стало не все равно? Я целый месяц не слышала от тебя ни слова – ни слова заботы обо мне или ребенке, – и вот теперь ты лезешь не в свое дело, притворяясь, будто этот ребенок тебе не безразличен. – Я с трудом сдержала слезы, ярость и бессилие.

Мой отец шумно прочистил горло.

– Вообще-то, Мелли...

Я оборвала его и повернулась к Джеку.

– Моя мать пытается сказать, что кто бы ни был найден в том ящике под домом, или кто бы это ни был, кто пропал без вести, так вот, этот некто думает, что нашел во мне родственную душу, потому что я беременна.

Мой отец вновь попытался вставить свое веское слово.

– Мелли, Джек, твоя мама и я...

Я подняла руку, не желая, чтобы меня отвлекали от моей тирады в адрес Джека.

– И похоже, моя мать считает своим долгом вывести все заблудшие души к свету, и, вероятно, для этого ей требуется моя помощь, хотя я в данный момент не в состоянии положить на свою тарелку даже кусочек. Но мы с ней справимся в одиночку, без твоей помощи. Прямо как этот ребенок.

Из всех выражений, какие я раньше видела на лице Джека – сарказм, юмор, гнев, желание, – я ни разу не видел этого, и оно меня напугало. Его глаза, темнее, чем обычно, слегка расширились, как будто его неожиданно ударили в живот. Столь же быстро выражение его лица изменилось, как будто фокусник распахнул плащ и под ним оказался – нет, не меч, а спрятанный в его складках букет цветов. Его лицо осветила фирменная улыбка, украшавшая задние обложки его бестселлеров и, с тех пор, как он вырос из подгузников, сразившая наповал бесчисленное количество женщин. Я напряглась.

– Если мне не изменяет память, Мелли, ты сделала этого ребенка не одна.

Он дал мне пару секунд на то, чтобы осознать сказанное. Я же остро ощущала присутствие родителей и то, как они оба смотрели куда угодно, только не на меня и Джека. Возможно, я даже поежилась. Я также чувствовала, что каждый волосок на моей голове встал дыбом, и как холодок, начавшийся с моего затылка, теперь охватил все мое тело.

Мой мозг тщетно пытался придумать ответ, когда Джек внезапно поднял взгляд на люстру из венецианского стекла, освещавшую небольшой вестибюль перед входной дверью.

– Мелли! – крикнул он, и прежде чем я успела сказать ему, чтобы он не смел называть меня Мелли, подскочил ко мне и повалил меня на пол. Он смог смягчить падение, приземлившись на спину, так что я упала на него сверху, растянувшись на полпути к главному холлу и довольно далеко от того места, где я только что стояла и куда с потолка обрушилась люстра. Я была настолько потрясена, что на мгновение застыла в неподвижности, лежа на Джеке. Наши тела были прижаты друг к другу от груди и до пальцев ног.

Он тяжело дышал, но его глаза, глядя в мои, светились старым светом, заставив меня осознать, как тесно соприкасаются наши тела.

– Совсем как в старые добрые времена, а, Мелли?

С пылающими щеками я слезла с него. Ох, как жаль, что у меня на пиджаке не осталось пуговицы, чтобы выстрелить и в него тоже. Осторожно, избегая разбитого стекла, я шагнула к матери и отцу, чье внимание было поделено между мной и разбитой люстрой.

– Что это было? – спросил мой отец. Его военная карьера оставила его совершенно неподготовленным к объяснению необъяснимого. Это была одна из причин, почему моя мать бросила его много лет назад.

Мать пытливо посмотрела на меня, затем мы вместе повернулись к отцу и Джеку, и на меня снизошло усталое чувство смирения. Я глубоко вздохнула, вспомнив на короткий миг момент, когда моя жизнь была лишь моей собственной и я могла спокойно позволить назойливым мертвецам незаметно порхать по периферии.

– Они вернулись, – сказала я, и порыв холодного ветра хлестнул меня по лицу моими же словами.

Глава 3

Я вышла на тротуар. Дверь пекарни Рут со звоном захлопнулась за мной, но я чувствовала себя не лучше, чем за пять минут до этого. Раньше у Рут меня ждал мой пакет с пончиками и латте с добавлением сливок. Все это я могла взять и направиться в офис. Однако моя мать и, вероятно, бывшая лучшая подруга Софи нанесли Рут визит не иначе как в попытке разрушить мою жизнь. Я сжимала в руках пакет с двумя булочками из органических отрубей и брокколи и высокий стакан зеленого чая без сахара. Я не могла сказать наверняка, но, судя по первому и единственному кусочку, на который я осмелилась, двумя главными ингредиентами в рецепте булочек были картон и земля, это точно.

Я зашагала по Брод-стрит к «Бюро недвижимости Гендерсона». Пакет с булочками я забросила в первый же контейнер для мусора, какой попался мне по пути. А ведь когда после утренней тошноты меня охватили настоящие муки голода, у меня были такие большие надежды! Мысль о спрятанных в моем офисе шоколадных батончиках облегчила мне шаг, так что к работе я подходила едва ли не вприпрыжку.

Я толкнула дверь и замерла на полпути через приемную. Наша секретарша и фанатка гольфа Нэнси Флаэрти – очевидно, полностью оправившись от травмы головы, нанесенной мячом для гольфа, – восседала на своем обычном месте за столом. Она кивнула, здороваясь со мной, и серьги в форме клюшки для гольфа качнулись в ее ушах. На ее голове был вездесущий козырек для гольфа с логотипом Masters на полях – сувенир из поездки в Мекку гольфа, город Огаста, штат Джорджия, – а в руках клубок пряжи и две сверкающие металлические спицы, которые активно двигались на фоне чего-то маленького и розового. Рядом с Нэнси сидела женщина немного постарше в ярко-желтом кардигане с вышитыми на нем гольфистами. Она тоже вязала, нитью из клубка голубой пряжи. Я остановилась перед ними и вопросительно посмотрела на Нэнси.

– Вяжешь? – спросила я.

– Ага. – Она широко улыбнулась, все так же энергично работая спицами. – А это Джойс Челлис, – добавила она, указывая на женщину рядом с собой. – Мы с ней решили поделить мою работу. После опасной для жизни травмы я поняла: жизнь слишком коротка, чтобы проводить большую ее часть не на поле для гольфа. В общем, я поговорила с мистером Гендерсоном, и он сказал, что если я найду и обучу кого-нибудь, то могу отдать такому человеку половину моей ставки. В качестве бонуса она учит меня вязать.

– А где Шарлин? – спросила я, вспомнив миниатюрную блондинку, энтузиастку йоги, которая замещала Нэнси, пока та поправлялась после травмы головы.

Джойс и Нэнси переглянулись и одновременно закатили глаза.

– Она решила переехать в Калифорнию и стать кинозвездой. Думаю, роль статистки в том фильме с Деми Мур ударила ей в голову.

– Разве она не бабушка? – спросила я, гадая, есть ли возрастные ограничения для переезда в Голливуд, чтобы сделать там себе имя.

Джойс и Нэнси кивнули в унисон.

– Приятно познакомиться, мисс Миддлтон, – сказала Джойс с улыбкой в голубых глазах. – Я слышала все о вас от Нэнси, – добавила она, указывая на нее спицей. – И о Джеке. – Она сделала вид, будто обмахивает лицо веером.

Я нахмурилась.

– Вряд ли он в ближайшее время появится под нашей дверью, поэтому для вашей ежедневной дозы драмы предлагаю вместо этого посмотреть несколько мыльных опер. – Я изобразила улыбку. – Приятно познакомиться, Джойс. Я уверена, что, если вас тренирует Нэнси, вам не о чем беспокоиться. – Есть ли мне сообщения? – спросила я, повернувшись к Нэнси, и сама удивилась отсутствию энтузиазма в собственном голосе. Мало того, что меня клонило в сон, но, что еще хуже, все остальные это прекрасно видели.

Джойс отложила вязание, взяла со стойки администратора розовый клочок бумаги и с блеском в глазах, который можно было описать только как озорной, сказала:

– Только одно. От Джека Тренхольма. Он сказал, что пробовал звонить вам на сотовый, но, похоже, он набирал неправильный номер, потому что телефон продолжал перенаправлять его на голосовую почту, а на записи это более низкий голос, чем ваш, и с легким акцентом.

И Джойс, и Нэнси невинно моргнули. Я же постаралась не покраснеть, вспомнив запись послания сразу после того, как накануне Джек ушел от нас после инцидента с рухнувшей люстрой. Перед тем как уйти, он поцеловал мою мать в щеку, пожал руку моему отцу, затем посмотрел на мои лодыжки и посоветовал мне держаться подальше от соли, после чего хлопнул дверью чуть громче, чем было необходимо. Моя мать сказала, что из-за гормонов я стала чересчур чувствительной к критике, но слов Джека оказалось достаточно, чтобы я убедила себя, что способна справиться с беременностью и предстоящим материнством самостоятельно. Эх, если бы только эта мысль не оставила меня такой подавленной и опустошенной, что было ужаснее, чем встреча с

привидениями.

Внезапно в моем мозгу всплыла розово-голубая пряжа. Я заглянула через стойку.

– Что вы вяжете?

Спицы Нэнси продолжали энергично работать.

– Детские одеяльца. Поскольку мы не знаем, девочка это или мальчик, то вяжем по одному для каждого.

Я посмотрела на пряжу нежных цветов, и на меня накатил приступ паники. Кстати, в последние дни это случалось все чаще и чаще, хотя я и не могла определить ее источник. Я заставила себя думать о таблицах, графиках кормления и плане родов – последний включал эпидуральную анестезию и обезболивание – и начала понемногу успокаиваться.

– Надеюсь, это будет девочка, – сказал я. Слова слетели с моих губ прежде, чем я успела отозвать их назад. Оба набора вязальных спиц застыли на месте. – В смысле, я просто надеюсь родить здорового ребенка. – Я скомкала свое одинокое телефонное сообщение и оставила его на стойке. – Думаю, мне пора на работу.

Я повернулась и зашагала к себе в офис, пытаюсь представить себе маленького мальчика с глазами, такими же голубыми, как у его отца, и подумала о том, как, черт возьми, мне найти в себе умственные и физические силы растить мини-копию Джека. Да, я хотела здорового ребенка, но, боже мой, лишь бы только это был не мальчик!

Я открыла дверь моего кабинета и прошаркала внутрь. Он вновь вернулся в состояние, в котором пребывал до экспериментов с фэншуй – Шарлин Роуз считала это необходимым, а я – нет, – и я, пусть отчасти, вновь ощутила себя прежней. Даже рыбки в аквариуме – «водная стихия», как именовала его Шарлин – исчезли, за что я была безмерно благодарна. Я не хотела думать о судьбе двух рыб, чтобы снова не прослезиться.

Бесцеремонно бросив сумочку и портфель посреди кабинета, я направилась к серванту, где у меня хранилась заправка, пакетик с конфетами для Хеллоуина, который я купила на распродаже в аптеке «Теллис» перед тем, как они окончательно закрылись, вместе с давящим бинтом для распухших лодыжек.

Я выдвинула первый ящик, второй и третий, затем в нарастающем паническом безумии заглянула в шкафчики в самом низу. Я знала, что веду себя неразумно, но я ни разу не оставалась так долго без сладкого или шоколада, и потому была в отчаянии.

– Это, часом, не то, что ты ищешь? Софи сказала мне, где искать.

Я обернулась и увидела Джека. Он небрежно развалился на стуле напротив моего стола с пакетиком миниатюрных шоколадных батончиков.

На его лице было написано легкое любопытство, смешанное с лукавством. Я тяжело сглотнула, разрываясь между соблазном вырвать у него из рук пакетик и съесть сладкого и инстинктом самосохранения. Верх взяло второе. Я поспешно повернулась к столу и взяла точилку для карандашей, которой не пользовалась уже лет пять.

– Ага, вот она.

Я села за стол, вытащила из верхнего ящика карандаш и начала его точить.

– Я не припомню, Джек, чтобы у нас с тобой сегодня утром была назначена встреча, и, боюсь, мой график забит до...

Он не дал мне договорить.

– Вряд ли механические карандаши нуждаются в заточке, Мелли.

Где-то в глубине моей груди возникла волна жара и постепенно начала подниматься выше, пока не залила мне лицо. Я перестала точить несчастный карандаш и посмотрела на Джека. Тот улыбался от уха до уха.

– Беременность ничуть тебя не изменила.

– А должна была?

– Я надеялся. – Он поднял руку – не ту, что с пакетиком конфет, – не давая мне продолжить. – Я пришел сюда не затем, чтобы препираться. Я хотел поговорить с тобой. Узнать, как у тебя дела.

– Со мной все в порядке, – быстро сказала я. «Главное, не думать о тебе, потому что от этого у меня болит сердце, а иногда я даже забываю дышать». Я хлопнула ладонями по столу, как будто волшебным образом превращая свою ложь в правду, а может, даже избавляясь от этих мыслей.

– Почему ты злишься на меня? Ведь ты сама отказалась выйти за меня замуж. – Его слова прозвучали тихо, но с чувством. Я не осмелилась посмотреть ему в глаза.

– Ты не звонил. И не спрашивал о ребенке. Я думала, тебе все равно.

Джек ответил не сразу.

– Учитывая, как мы расстались, я как бы ждал твоего ответа. И я каждый день справлялся у твоих родителей, как у тебя дела. Узнавал, нужно ли тебе что-то и все ли в порядке с ребенком.

Вспомнив, как отец пытался прервать меня накануне, посередине моей гневной тирады, адресованной Джеку, я ощутила, как по моим щекам вновь расползается жар. Джек между тем продолжил:

– И я спрашивал у всех своих знакомых, которые являются родителями, советы о лучших книгах о беременности. Вчера я принес «Что ожидать, когда ты ожидаешь» и еще несколько книг, но ты не дала мне возможности вручить их тебе.

Я была готова залезть от стыда под стол. Но вместо этого я подняла глаза и встретила с ним взглядом, пытаюсь сформулировать предложение, которое было бы одновременно извинением и упреком.

Упираясь локтями в подлокотники стула, Джек смотрел на меня своими пронзительно-голубыми глазами.

– Знаешь, ты по-прежнему красива. А может, стала даже еще красивее.

Моя так до конца и не оформленная фраза вылетела из головы. Джек всегда умел разбивать мою защиту по камешку зараз. Но его слова больше походили на сокрушительный удар по стенам моего замка. Я было улыбнулась, но потом вспомнила свое отражение в зеркале в ванной, когда одевалась утром – опухшее лицо и тело, отросшие волосы и прыщик на подбородке. Я не держала «Клерасил» в шкафчике в ванной с шестнадцати лет и вместо крема нанесла пятнышко отбеливающей зубной пасты – старое подручное средство, о котором, вероятно, когда-то прочла в журнале Seventeen – и запоздало подумала, стерла ли я его перед тем, как отправиться на работу.

Я откинулась на спинку стула. В животе у меня урчало, но я старалась не думать о пакетике со сладостями в его руках.

– Что тебе нужно, Джек? Я очень занята...

Как будто не услышав меня, он сказал:

– Твои глаза ярче, чем когда-либо раньше, и тебе к лицу небольшая полнота. – Он умолк, подался вперед, а его голос соскользнул на ступеньку ниже. – А твое тело – оно как созревающий плод. – Его взгляд на мгновение задержался на моей груди, где, как я знала, пуговицы на блузке с трудом удерживают ее застегнутой. Его глаза встретились с моими. – Беременность тебе определенно идет.

Руками я мертвой хваткой вцепилась в край стола, и мне стоило усилий разжать пальцы. Вздохнув, я перевела взгляд на свой живот.

– Джек, пожалуйста. Не надо.

– Не отгораживайся от меня. Не сейчас.

Я не слышала, как он встал со стула и сел на корточки рядом со мной, но теперь он был близко, касался моей щеки, вытирая слезу, которую я даже не помню, как пустила. Я не могла говорить, боясь, что разревусь, как маленькая девочка, которая упала и поцарапала коленку. Джек взял мои руки в свои. Электрический шок его прикосновения заставил мое сердце выделять колени. Я сосредоточилась: вдох-выдох, вдох-выдох.

– Мелли, – продолжил он, – независимо от того, что произошло между нами или где мы сейчас находимся, нам нужно подумать о третьем человеке. Дело теперь не только в нас с тобой. Мы прекрасно работаем как одна команда – и нет причин, почему мы не можем отбросить наши чувства и работать вместе, чтобы произвести на свет здорового ребенка и дать ему или ей все самое лучшее, на что мы способны. Ты не выйдешь за меня замуж, но это не значит, что я не могу быть отцом нашему ребенку. Ты согласна?

Его большой палец потирал косточки моих пальцев, мешая моим мыслительным процессам. С самого первого момента, когда я встретила его, я не могла ясно мыслить, когда он был рядом. Это – и пресловутое красное платье – было главной причиной моего нынешнего интересного положения.

Я кивнула, не в силах произнести ни единого слова, которое можно было бы истолковать как «Ты прав».

Он взял мои руки и, поднеся их к губам, поцеловал тыльную сторону каждой. Должно быть, со мной случился мини-инсульт, потому что я не помнила, стоял он или, положив руки мне на плечи, подтянул меня за собой.

Джек широко улыбнулся.

– Ты принимаешь правильное решение, Мелли. Не вижу причин, почему мы не можем действовать ради нашего ребенка как ответственные взрослые. – Его руки потирали мне плечи, и все, что я могла сделать, это не растаять у его ног. Между тем Джек продолжил: – Я буду координировать с тобой все твои родовые мероприятия, потому что не хочу пропустить ни одного. И, конечно же, мы непременно запишемся на курсы Ламаза...

Я встrepенулась, стряхивая с себя оцепенение.

– Ламаза?

– Да, и на уроки грудного вскармливания, и еще нам нужно будет приобрести детскую кроватку...

Я опустилась на стул.

– Детскую кроватку?

Джек пристально посмотрел на меня.

– Да, детскую кроватку. Ты же не хочешь, чтобы наш ребенок спал в корзине Генерала Ли? Твою гардеробную можно на время превратить в детскую, а затем, когда ребенок подрастет, и одну из спален в коридоре...

Я чувствовала себя птицей, несущейся к стеклянному окну. Я собиралась родить ребенка. Однажды этот маленький человечек внутри меня захочет выйти наружу, и, возможно, ему понадобится собственное место. И куча одежек для крошечного тельца. Источник моей паники начинал складываться в моей голове в более четкую картину. Я быстро заморгала, глядя на Джека, и он умолк.

– С тобой все в порядке, Мелли?

Я кивнула, хотя и сомневалась в моем нормальном состоянии. При этом я чувствовала себя защищенной от столкновения с тем, к чему я неслась; то, что мы с Джеком участвовали в этом вместе, наверняка смягчит неизбежный удар.

– И это еще одна причина, по которой я пришел к тебе сегодня. Мне потребуется дом побольше – жить с Нолой и ребенком в моей квартире будет тесно.

Я продолжала моргать и таращиться на него.

– Тебе что-то попало в глаз?

Я покачала головой, пытаюсь собраться с мыслями.

– Нет. Я просто... удивлена. Твоя квартира такая... твоя...

Я хотела сказать «такая холостяцкая» и «элегантная» или даже «хранит так много воспоминаний, особенно диван», но захлопнула рот.

– Именно. Но это просто больше не будет присутствовать в моей жизни, как отца барышни-подростка и маленького ребенка. Пора повзрослеть. – Джек улыбнулся, и я даже поверила, что он считает взросление не такой уж плохой идеей. Он был хорошим отцом для Нолы, и стоило мне представить его с крошечным младенцем на руках, как в моей груди что-то слегка оттаяло.

Я выпрямилась в кресле. Для упорядоченной и логичной части моего мозга его слова наконец обрели смысл.

– И ты хочешь, чтобы я помогла тебе найти для твоей новой семьи идеальный дом?

– Именно. Ты вечно твердишь мне, что ты лучший риелтор в городе. Я даже не буду просить скидку как друг и родственник...

Я покачала головой, не давая ему договорить.

– Это плохая идея, Джек. Не спорю, нам нужно найти способ сообща растить нашего ребенка, но я не думаю, что совместные поиски дома – хорошая идея.

Потому что всякий раз, глядя на тебя, я заново переживаю унижение, когда я была вынуждена произнести эти три коротких слова, но в ответ услышала от тебя лишь «извини».

– Но кто, как не ты, знает, что мне нужно? Наш сын или дочь по крайней мере половину времени будет жить со мной, и ты наверняка захочешь, чтобы его или ее окружали прекрасные стены. – Как будто на этом спор закончился, он продолжил: – Я хочу нечто по-настоящему большое и просторное, чтобы можно было устраивать грандиозные вечеринки по случаю дня рождения Нолы и нашего ребенка. И большой сад, в котором будет место для маленьких качелей – а может даже место для небольшого плавательного бассейна для Нолы. Безусловно, нечто старое, даже историческое, с множеством архитектурных

элементов и характером, чего не найдешь в современных особняках. Думаю, все спальни должны быть на одном этаже, желательно наверху, потому что, если ребенок будет плакать по ночам, я смогу быстро к нему подойти... – Он на миг умолк. – Почему ты ничего не записываешь?

– Я не давала согласия работать с тобой.

– Но ты согласишься.

Я нахмурилась.

– Откуда ты знаешь?

Он улыбнулся своей коронной ухмылкой, и я напряглась.

– Потому что между нами это всегда так работает. Я что-то говорю, ты говоришь «нет», я продолжаю говорить, как будто ты ничего не сказала, а потом в конце концов ты говоришь «да». – Его взгляд упал на мой округлившийся живот. – Порой результаты бывают самими неожиданными, но ты ведь не станешь отрицать, что путешествие было интересным.

Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули.

– Джек...

Он потянулся через стол и взял меня за руку. Его голос стал серьезным.

– Пожалуйста, Мелли. Я бы это больше никому не доверил. Ты знаешь Нолу, и ты знаешь меня. Что еще важнее, ты будешь контролировать окружение нашего ребенка. Мы ведь оба знаем, что ты обожаешь держать все под контролем.

Он улыбнулся, смягчая язвительность своих слов. Наши взгляды встретились, и я на миг перенеслась в прошлое.

«Выходи за меня замуж, Мелли». Это был первый и единственный раз, когда он принял от меня отрицательный ответ. Но мы оба зашли слишком далеко, чтобы вернуться и проанализировать или задать вопросы. По крайней мере, не потеряв

при этом частичку себя. Как две собаки, дерущиеся за кость, и я, и Джек умели цепляться за то, чем не умели делиться.

Понимая, что спорить с ним напрасная трата сил, я вздохнула.

– Ну хорошо. Предположим, тебе действительно нужен новый дом, и мне, вероятно, не понравилось бы, если бы ты выбрал другого риелтора. – Меня охватило волнение – не только при мысли о том, что я вновь окажусь в своей профессиональной стихии, но и от осознания того, что я буду регулярно видеться с Джеком. Что успокоило меня и одновременно напугало.

Я снова вздохнула.

– Когда ты хочешь начать?

– Как можно раньше. Я сейчас на середине книги про Маниго, поэтому большую часть дней работаю дома, и у меня гибкий график. Думаю, номер моего мобильного у тебя по-прежнему на быстром наборе?

Этот хитрец отлично меня знал.

– Конечно. Если ты когда-нибудь понадобишься Ноле, пока она у меня, я просто обязана быть в боевой готовности.

– Это верно. – Он встал и, сжимая пакетик с конфетами, направился к двери. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не смотреть на вожделенный пакетик и не попросить хотя бы одну конфету. – Буду ждать твой ответ в ближайшее время.

Он открыл дверь и снова посмотрел на меня.

– Если захочешь заняться покупкой одежды для беременных, буду рад пойти вместе с тобой.

– Я всего лишь на третьем месяце, – возразила я, гордо выпрямившись в кресле. – Ничего не будет видно еще несколько месяцев.

Его улыбка не дрогнула, хотя он ответил не сразу.

– Разумеется. Тогда до свидания. – Джек шагнул за дверь и почти закрыл ее за собой, но затем резко распахнул ее снова. – Мелли?

Я оживилась. Он сейчас даст мне конфету, без всякой моей просьбы!

– Да?

– Знаешь, тебе действительно к лицу беременность.

Прежде чем я успела ответить, он закрыл дверь. Я же осталась сидеть, ловя ртом воздух, как получивший удар под дых боксер. Ощувив на груди прохладу, я посмотрела вниз, на свою блузку, которую тщательно застегнула этим утром. Интересно, как долго я просидела так, разговаривая с Джеком, с зияющей дырой в том месте, где расстегнулись пуговицы, обнажив мой простой – и слишком тесный – белый кружевной бюстгальтер и широкое пространство кожи.

Я прижалась лбом к столешнице, наслаждаясь прохладой дерева, и задалась вопросом: в какой же момент моя некогда тщательно упорядоченная жизнь внезапно так сильно отклонилась от курса и почему при мысли о возвращении к той жизни меня охватывала такая паника?

Глава 4

Спустя несколько дней, положив ноги на недавно восстановленную чиппендейловскую оттоманку XVIII века, я сидела в парадной гостиной моего дома и пыталась сосредоточиться на моем ноутбуке. Я была в самой середине процесса подготовки портфолио возможных домов для показа Джеку – не слишком близко к Трэдд-стрит, но и не слишком далеко, – но меня постоянно отвлекал вид моих слегка опухших лодыжек, которые, словно шляпки мини-маффинов, выглядывали из-за края моих толстых носков.

Миссис Хулихан уже ушла, и в доме, если не считать тиканья старинных напольных часов и влажного звука вылизывающего себя Генерала Ли, царила

тишина. Я не слышала детского плача с момента визита Джека, а также ничего не слышала от детектива Райли. Нет, я отлично знала: на истории останков и того, почему они обнаружили в моем фундаменте, рано ставить точку, но моим любимым занятием было отрицание, и я, сидя в тишине старого дома, успокаивала себя тем, что, возможно, на этот раз я права.

Генерал Ли вскинул голову и выжидательно посмотрел на темное фойе. Я понятия не имела, сколько ему лет, поскольку унаследовала его вместе с домом, но его слух был острее моего. Я проследила за его взглядом. Мне не терпелось заменить разбитую люстру, но я совершила ошибку, упомянув об этом в электронном письме Софи. Та потребовала, чтобы я обязательно дождалась ее возвращения из свадебного путешествия, чтобы она могла помочь мне найти исторически точную замену. Что на самом деле означало завышенную цену и непереносимый изъяс, который потребует обширной и дорогой реставрации – два слова, которые я слишком хорошо усвоила после переезда в дом номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит.

Генерал Ли встал и, положив на спину пушистый хвост, направился к вестибюлю. Я закрыла ноутбук и прислушалась. Услышав на веранде легкие шаги, пес тихонько завыл, а когда раздался звонок в дверь, то завыл громче. У меня отлегло от сердца. Мертвые редко звонят в дверь, чтобы объявить о своем присутствии. Боясь поскользнуться в одних носках, я прошла в вестибюль и, прежде чем открыть дверь, выглянула в боковое окошко.

– Нола! – воскликнула я, но мое приветствие утонуло в заливиистом лае Генерала Ли. Этот поганец первым бросился к ней и, когда она опустилась на колени, чтобы его погладить, от души облизал слюнявым языком ей лицо. Нола рассмеялась и, вытянув шею, замотала головой, пытаясь избежать собачьих поцелуев, нацеленных на ее рот.

– Он не единственный, кто скучал по тебе, – сказала я, стараясь не выдать упрека в голосе.

Нола уткнулась лицом в пушистую шею пса, и ее темные волосы красиво блестели в свете крыльца. Когда же она подняла голову и посмотрела на меня глазами Джека, мне стоило немалых трудов не отвести взгляд. Нола выглядела как четырнадцатилетняя девочка, которой она и была, а не как беспризорник с черной подводкой для глаз в армейских ботинках и хмурым взглядом, что появился на моем пороге менее года назад.

Я даже заморгала, не веря собственным глазам, поняв, что на ней сегодня надето: юбка в пурпурно-бежевую клетку, серый пиджак и черные гольфы – даже если к последним с одной стороны были прицеплены булавки с пацификом. Придется спросить у Софи, кто подал Ноле эту идею.

– Ты уже пошла в школу?

Она улыбнулась отцовской улыбкой, и мое сердце как будто стукнулось о грудину. Я чуть было не открыла рот, чтобы порекомендовать ей вновь нанести боевую раскраску, чтобы не напоминать мне о ее неудачном «отцовстве».

Она наклонилась и поставила Генерала Ли на землю, где тот и остался, с обожанием глядя на нее.

– Ага. Уже несколько недель. – Она скрестила руки на груди и попыталась скрыть волнение, написанное на ее лице. – Это не полный отстой. Во всяком случае, кроме математики. Но мы с Олстон по французскому и математике в одном классе, так что в целом терпимо. – Она на миг умокла. – А еще я беру уроки фортепиано и вокала. Моя учительница советует мне пройти прослушивание в школьный мюзикл.

Она пожала плечами, как будто едва могла найти в себе силы даже говорить об этом.

– Думаю, я могла бы, если бы не занималась чем-то другим.

– Это прекрасно! – Я открыла дверь шире. – Заходи. Миссис Хулихан приготовила пирожные, о которых мне не положено знать, – наверно, для моего отца, Джека или кого-то еще, кроме меня, – а у меня есть около трех дюжин булочек с отрубями и брокколи из пекарни Рут, которые я еще не выбросила. Выбирай.

Прежде чем шагнуть внутрь, Нола оглянулась через плечо, резко остановилась и посмотрела вверх. Я проследила за ее взглядом – там с потолка все еще свисала цепь от разбившейся люстры. Еще не успев что-то сказать, она заметила мои натянутые пуговицы на блузке и отекавшие лодыжки.

– Тебя нужно отправить во все местные средние школы в качестве наглядного примера, к чему приводит беременность. Вроде тех картинок, на которых детям показывают почерневшие легкие курильщиков или гнилые зубы наркоманов.

– Спасибо, Нола, – сказала я, направляясь в кухню. – Если я вдруг решу сменить работу, я буду иметь это в виду. – Я толкнула кухонную дверь и включила свет.

Судя по тому, что мне рассказала миссис Хулихан, это была мечта повара – гранит и нержавеющая сталь. Поскольку я по-прежнему пребывала в неведении относительно назначения некоторых приспособлений, кроме посудомоечной машины и микроволновки, мне пришлось поверить ей на слово.

Лучше рассмотрев Нолу в свете кухни, я заметила на ее виске прядь зеленых волос, которую наверняка можно было полностью скрыть с помощью заколки. Я улыбнулась. Хотя на ней была школьная форма, Нола – она же Эммалин Амелия Петтигрю – по-прежнему была той же бунтаркой, которую я так любила.

Вытащив один из запечатанных пакетов из пекарни Рут – я все еще заглядывала к ней каждое утро в надежде на то, что она сжалится надо мной и бросит туда хотя бы один пончик, – я наклонилась к духовке и извлекла оттуда контейнер с пирожными, которые миссис Хулихан пыталась запрягать под противень. Очевидно, она работала у меня недостаточно долго и не знала, что у меня нюх ищейки и что моя беременность его только усилила.

Я жестом пригласила Нолу сесть, затем поставила на стол тарелки и салфетки, вместе с пирожными и бумажным пакетом, полным несъедобных булочек. Себе я взяла пирожное и положила его на тарелку, а пакет с кексами пододвинула к Ноле.

– Угощайся.

– А у тебя есть органическое соевое молоко? – спросила она и даже не повела бровью.

Я встала и наполнила два стакана – мои поиски нормального молока закончились разочарованием, – а когда вернулась, то заметила, что пакет с булочками остался нетронут, зато к уголку рта Нолы прилипла подозрительная крошка пирожного. Пристально глядя на крошку, я протянула ей салфетку.

– Рада слышать, что школа пришлась тебе по душе. Вряд ли твоя бабушка или моя мать пережили бы, если бы тебе там не понравилось. – Я покрутила в руках стакан молока, не зная, как мне задать следующий вопрос. – Как там... все остальное?

– Папа в порядке.

Я открыла рот, чтобы сообщить, что я спрашивала не о Джеке, однако тотчас закрыла его. Она бы поняла, что я лгу.

Нола отпила молока.

– Он все еще в шоке от того, что ты его отвергла, но он выжил. Он много работает над новой книгой, а в свободное время смотрит по телику все подряд эти глупые передачи про младенцев. И даже делает заметки. – При этих словах она дурашливо закатила глаза. – Вряд ли ты согласишься на естественные роды, поэтому я понятия не имею, почему он вообще вбил себе это в голову. – Нола умолкла, словно ожидая, что я опровергну ее, но я промолчала. – Но он очень хочет найти дом для семьи. Хотя я и сама не против получить чуть больше уединения. На прошлой неделе Олстон привела с собой своего старшего брата Купера – он первокурсник в Цитадели. Так отец минут пятнадцать мариновал его перед домофоном, рассматривая в видеокамеру, прежде чем впустил в дом. Мне было жутко неловко.

Мне стоило большого труда сохранить серьезное лицо. Я представила себе Джека в новой для него роли хранителя добродетели его дочери, ведь будучи подростком, он и сам был объектом такого же повышенного внимания. И не без оснований. Я посмотрела на упавшую на стол крошку. Интересно, смогу ли я схватить ее, чтобы Нола не заметила?

– Он определенно ищет что-то более просторное – с множеством комнат и большим садом. И чтобы это было не слишком новое и с историческим характером – это такой мягкий способ сказать, что дом будет высасывать кучу денег, – и чтобы все спальни были на одном этаже, предпочтительно наверху.

Я вздохнула.

– Он настолько требователен, что я не уверена, что смогу найти все, что он хочет, в одном доме, поэтому ему придется пойти на компромисс...

Нола странно посмотрела на меня.

– Что такое?

Она медленно покачала головой.

– Ты эксперт, Мелли, так что тебе виднее. Но я уверена, что ты сможешь найти хотя бы один дом, отвечающий всем его условиям. Просто дай мне достаточно места, чтобы папа каждую секунду не дышал мне в спину. – Она широко улыбнулась. – Я бы хотела спальню на первом этаже, а если на втором, то чтобы рядом было дерево или мягкая живая изгородь под окном.

Настала моя очередь закатить глаза.

– И я подумала, что должна предупредить тебя, что папа изучает разные курсы для беременных. – Я откусила пирожное и закрыла глаза, радуясь тому, что съела что-то вкусное и не почувствовала позывов к рвоте. По крайней мере, когда я проснусь утром, меня хоть чем-то стошнит.

– Я совершенно не собираюсь ходить на занятия для беременных. Не волнуйся, я это скажу ему сама. – Я откусила еще один кусок пирожного и принялась медленно жевать, в упор глядя на свою гостью. Возможно, причиной тому было ее сходство с отцом, но меня не оставляло ощущение, что ее визит имел скрытые мотивы.

Я прищурилась, глядя ей в глаза.

– Не то чтобы я не рада видеть тебя. Но мне просто интересно, что привело тебя сюда сегодня вечером. У тебя все в порядке? – Я на миг умолкла. – Или... твоя мама вернулась?

Мать Нолы, Бонни, покончила с собой в Калифорнии, где они тогда жили. Что и стало причиной неожиданного появления Нолы в Чарльстоне и в жизни ее отца. Но незаконченные дела держали Бонни рядом с Нолой, пока мы с мамой наконец

не отправили ее к свету. Она покачала головой.

– Нет. В смысле, не совсем. Я всегда чувствую ее рядом. Вот. – Она прижала к сердцу кулак, и я почувствовала, как вездесущие слезы жгут мне глаза. – Но я ее больше не вижу, и никто не переставляет мою мебель и все такое прочее. Просто...

Я, затаив дыхание, ожидала, что она скажет дальше. Нола глубоко вздохнула.

– Помнишь, когда умерла Джулия Маниго?

Дух мертвого отца Джулии пытался меня убить. Такое не забывается.

– Да, – медленно сказала я, стараясь не задерживать дыхание.

– Она завещала мне свой рояль.

По моей коже пробежала щекотка облегчения.

– Это же прекрасно! Перед смертью она попросила меня проследить, чтобы ты продолжала тренироваться. Теперь тебе будет гораздо проще это делать. – Она улыбнулась, но все равно казалась напряженной, как будто хотела что-то сказать. Я подалась вперед. – И?..

– В квартире отца нет места для рояля.

Нола продолжала улыбаться. Мне почему-то пришло в голову, что мы обе думаем о гостинной в моем доме. Недавно я пожертвовала Чарльстонскому музею всю мебель – включая рояль, – которую унаследовала вместе с домом, мечтая превратить комнату в свой новый домашний офис. Я даже уже начала работать с Амелией Тренхольм над дизайном и попросила ее заняться поиском новой мебели. Я покачала головой, но тут раздался короткий стук по стеклу кухонной двери. Мы обернулись. На заднем крыльце стоял Джек. Его темные волосы блестели в свете уличного фонаря.

– Я открою, – сказала Нола, отодвигая свой стул, чтобы впустить Джека внутрь. Генерал Ли, увязавшийся за нами на кухню, восторженно твякнул и бросился на

Джека с тем же энтузиазмом, что и на Нолу. Джек наклонился, чтобы почесать ему пузцо. Тем более что пес заранее любезно перевернулся на спину.

– По крайней мере, один член этой семьи знает, как меня поприветствовать.

Я осталась на месте и украдкой сдвинула салфетку, чтобы спрятать крошки на моей тарелке.

– Странно, что ты просто не воспользовался своим ключом и не вторгся сюда, как к себе домой.

Ни о чем не спрашивая, Джек подошел к кухонному столу и сел.

– По какой-то причине мой ключ не вошел в замок на входной двери.

Я на миг растерялась, а затем вспомнила, что после первой недели, когда он мне не звонил, в припадке вредности я сменила все замки. Чтобы не отвечать, я сделала глоток молока.

– Я не спрашиваю, почему ты здесь, потому что я слишком рада видеть Нолу, и мне не интересно, кто ее привел. Но ты мог бы подождать в машине. Поработай над своей улыбкой в зеркале заднего вида.

Не обращая на меня внимания, Джек повернулся к дочери.

– Ты ее уже спрашивала?

– Про пианино? Еще нет, но мне понятно, к чему она клонит.

– Я, ммм, не совсем уверена...

– Это ненадолго, – перебила меня Нола, – пока ты не найдешь дом для папы и меня. Честное слово, мне очень хочется иметь пианино, на котором я могу играть в любое время, когда только пожелаю, и я не хочу ходить в дом на Монтегю-стрит, потому что он меня пугает. И кто знает, кем будут новые владельцы? Они того гляди скажут, что пианино является частью дома, и не позволят мне его забрать. – Выражение горя и отчаяния в ее глазах было

достойно премии «Оскар». Больше не в силах смотреть на несчастное лицо Нола, я поспешила перевести взгляд на Джека.

– И ты слышала, как играет Нола, – вмешался Джек. – У нее врожденный талант, так что ее игра вряд ли будет тебя раздражать. Ты можешь дать ей ключ от дома, чтобы она могла приходить и уходить, не беспокоя тебя.

Я покосилась на пирожные. Если честно, я бы не отказалась от еще одного.

– Я только что избавилась от хорошего пианино. На нем никто не играл, и его попросил себе музей. Мне же нужен домашний офис. Очень тяжело работать в гостиной без письменного стола. Стоит мне разложить мои бумаги на диване и стульях, как Генерал Ли либо устраивается спать на них, либо принимается их жевать.

Я посмотрела на них, ожидая увидеть сочувствие. Но увидела лишь две пары одинаковых голубых глаз и ямочек на щеках. Это был взгляд, призванный сломить любую, даже железную волю, а умноженный на два, делал отказ практически невозможным.

– А мне нельзя подумать об этом? – с надеждой спросила я.

Выражения их лиц не изменились.

Я пристально посмотрела на них, взвешивая в уме все «за» и «против». Было бы неплохо видеть Нолу регулярно, и в доме звучала бы музыка. Когда в течение первых нескольких месяцев после приезда в Чарльстон Нола жила со мной и моей матерью в доме на Легар-стрит, она развлекала нас своей гитарой и пением, хотя и не ставила перед собой такой цели. Когда она вернулась к Джеку, первые дни я наслаждалась тишиной и покоем: для того чтобы быть услышанной, мне больше не нужно было перекрикивать ее стереосистему. Но мне не хватало звука ее голоса и гитары.

– Я работаю над новой песней, – тихо сказала Нола, – и Джимми Гордон с нетерпением ее ждет и хочет услышать ее, как только я закончу. – Ее лицо вновь стало похоже на мордочку бассет-хаунда. – Но я никогда не закончу, пока у меня не будет своего пианино.

Нола и ее мать вместе написали песню «Глаза моей дочери». Теперь песня была продана поп-звезде Джимми Гордону для его последнего альбома, и ее крутили на всех радиостанциях. Это был тот самый успех, о котором мечтала Бонни, когда переехала в Калифорнию, но так и не смогла достичь.

Я выпрямилась.

– Откуда ты знаешь, что Джулия завещала тебе пианино? Я знаю, что она также кое-что завещала и мне, но я не слышала ни слова от распорядителей наследства.

Улыбка Джека сделалась еще ярче.

– У меня есть собственный источник в лице Ди Давенпорт, ее экономки. Той, что так щедро поделилась документами семьи Маниго для моей книги.

Я нахмурилась.

– Крупная блондинка, та, что делает Санта-Клаусов? Эта Ди Давенпорт?

Его улыбка осталась на месте.

– Она самая. Я ей нравлюсь.

Я посмотрела в потолок и вновь помолилась, чтобы у меня была дочь. Я с трудом представляла себе, как бы я вырастила мини-Джека, способного ухаживать за женщинами любого возраста, комплекции и цвета волос.

– Ди нашла за зеркалом в холле новое завещание, а также распоряжения мисс Джулии, дающие мне для работы над моей книгой доступ к семейным документам. Она рассказала мне о пианино.

– Она упомянула, что именно оставила мисс Джулия мне?

Джек и Нола переглянулись.

– Детскую кроватку, – сказал Джек после короткой паузы. – Ту, что принадлежала ее семье на протяжении многих поколений.

– Детская кроватка? Но как она узнала... – Я не договорила и сделала большие глаза. Ну конечно же! Она узнала о моей беременности тем же сверхъестественным образом, каким я узнала о завещании за зеркалом в холле, чтобы рассказать о нем Ди. Но я не горела желанием обсуждать телефонные звонки от мертвых. Я вздрогнула, вспомнив последние слова, сказанные мне мисс Джулией перед тем, как в трубке воцарилось молчание.

«Ты сильнее, чем думаешь. У тебя скоро будет повод об этом вспомнить».

Я откинулась на спинку стула, благодарная за то, что наследство было всего лишь кроваткой, а не целым полуразрушенным домом. Мне невольно подумалось, что это выглядело бы гораздо лучше как гараж. Да и пользы тоже было бы больше.

– Какая жалость, у меня уже есть колыбелька... я видела ее на чердаке, когда поднималась туда с представителем санитарной службы по поводу голубей. Она практически погребена под грудой мебели и старой одежды и, вероятно, жутко грязная. Но она есть, если мне вдруг понадобится антикварная колыбель, в чем лично я сомневаюсь. А что насчет дома? Какая бедная душа вынуждена иметь дело с этим альбатросом?

– Она оставила его Эшли-Холлу, – пискнула Нола, – но им решать, будут ли они продавать его или используют для каких-то школьных целей. Это довольно далеко от кампуса, так что, кто знает? Вот почему я хочу быть уверена, что мое пианино никто не тронет.

Они оба вновь посмотрели на меня, зная, что я уже пыталась увести разговор от темы фортепиано. Словно читая мои мысли, Джек достал из контейнера пирожное, положил его мне на тарелку и пододвинул ближе ко мне.

– Оно постоит здесь до тех пор, пока ты не найдешь для нас дом, над чем, я уверен, ты уже работаешь.

Я откусила пирожное и, пока жевала, сделала вид, будто думаю. Но, похоже, для них, как и для меня, уже было очевидно, что я не смогу сказать «нет».

– Ну хорошо, – сказала я, запив пирожное соевым молоком. – Думаю, мой домашний офис может немного подождать. Просто дайте мне знать, на какую дату и время вы закажете грузчиков, чтобы я могла внести это дело в мой календарь.

Джек выразительно кашлянул.

– Вообще-то они доставят его сюда завтра в восемь утра.

Нола отодвинула стул и взглянула на свое пустое запястье, на котором я раньше не замечала часов.

– Ого, посмотрите на время. Я должна успеть сделать домашнее задание по английскому.

Джек потянулся и притворно зевнул.

– Я тоже устал. Я писал весь день, и от этого плавится мозг. – Как истинный джентльмен, он наклонился и поцеловал меня в щеку. – Не вставай. Мы выйдем сами. Увидимся завтра, в восемь часов.

Они уже почти шагнули к кухонной двери, когда Нола сказала:

– Не забудь переставить пирожные, чтобы миссис Хулихан не заметила, что каких-то нет.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но меня опередил оглушительный грохот где-то наверху. Генерал Ли заскулил и бросился к своей собачьей постели, где моментально зарылся мордой в мягкую подушку.

– Оставайтесь здесь, – приказал Джек Ноле и мне, но едва он шагнул в кухонную дверь, как мы обе последовали за ним через холл и поднялись вверх по лестнице. Мы все трое остановились в коридоре второго этажа, глядя на чердачную дверь, зияющую, словно открытый рот. Я всегда держала ее запертой, и ее нельзя было открыть изнутри.

Мы посмотрели друг на друга, на наше морозное дыхание, как будто стояли на улице январским утром, а не в доме в конце лета. Все втроем мы осторожно сделали пару шагов вперед, чтобы взглянуть на чердачную лестницу. И снова застыли на месте. Я несколько раз моргнула, желая убедиться, что вижу то, что, как мне казалось, я вижу. На самой верхней ступеньке, неким чудом вытащенная из-под груды старой мебели и хлама, виднелась старинная колыбель. Ее силуэт резко выделялся в тусклом свете раннего вечера на фоне окна.

– Круто, – прошептала Нола. Ее темно-синие глаза не выражали страха.

Затем откуда-то позади нас раздался детский плач. Негромкое хныканье эхом отразилось от оштукатуренных стен и высоких потолков старого дома, вызвав глубоко в моей утробе, где обитал, защищенный от внешнего мира ребенок, легкий озноб. Джек протянул руку и положил ладонь мне на живот, впервые коснувшись нашего ребенка. Наши взгляды встретились в смеси страха и ожидания, как будто мы наконец поняли, что эта новая жизнь крепко связывает нас и что мы столкнулись с чем-то большим, чем рассчитывали.

Глава 5

Почувствовав, что машина остановилась, я открыла глаза. Манеру вождения моей матери, медленную и с вечными рывками, было слишком трудно воспринимать с открытыми глазами. Я бы с радостью сама села за руль или пешком отправилась в «Хомини Гриль» на встречу с Софи, но моя мать, пропустившая большую часть моего детства и юности, начала воспринимать меня как стеклянную куклу, ничего не умеющую делать самостоятельно.

– Интересно, есть ли у них камердинер, – сказала моя мать, заглушив двигатель. Ей удалось припарковаться у тротуара в переулке, всего в двух кварталах от ресторана на Ратледж-авеню.

– Ничего, как-нибудь дойду сама.

Она с видимой неохотой выключила зажигание.

– Тебе не стоит ходить на каблуках в твоём положении. Твои лодыжки не были бы такими опухшими, если бы ты упрямо не надевала в такую жару эти туфли. Кстати, я нашла тот пакетик картофельных чипсов, спрятанный в кухонном мусорном ведре. Весь этот натрий тоже не на пользу.

Я отстегнула ремень безопасности.

– У меня есть лишь крошечные промежутки, когда меня не тошнит, и я отказываюсь тратить их на еду со вкусом древесной коры. – Я открыла дверь с моей стороны и, чтобы не слышать её ответ, вылезла из машины.

Мать догнала меня на тротуаре.

– И мне кажется, у Генерала Ли эмпатическая беременность. Он стал слегка толстоват.

– Неправда. Он просто пушистый. И ширококостный. А если и набрал несколько лишних фунтов, то лишь потому, что я не могла его выгуливать – слишком жарко. И у меня все время болят ноги.

Она многозначительно посмотрела на мои туфли, но самосохранение вынудило её промолчать. Мы как раз подходили к главному входу в легендарную парикмахерскую, обшитую красным сайдингом, а теперь превращённую в ресторан, когда я услышала, что меня кто-то окликнул.

Я повернулась и увидела, что ко мне с протянутыми руками бросилась моя лучшая подруга. Сколь бы часто я ни видела доктора Софи Уоллен, её наряды всякий раз заставляли меня остановиться и задуматься, как она может быть моей лучшей подругой. Сегодня её темные волосы для разнообразия были распущены, кудряшки подпрыгивали вокруг лица и плеч, а щеки обрамляли светло-коричневые, выцветшие на солнце пряди. С головы до ног она была одета в выкрашенные домашним способом вещи, включая легинсы, но за исключением клетчатого шарфа, который Софи накинула на шею, как ожерелье. Ноги украшали вездесущие «биркенстоки», и я была рада увидеть, что, по крайней мере, её ногти на ногах не подверглись окрашиванию в чане с краской.

– Мелани! – радостно взвизгнула она, заключив меня в медвежьи объятия, которые, как ни странно, заставили меня почувствовать себя гораздо лучше, еще

раз напомнив мне, почему мы с Софи были лучшими подругами. Отстранив меня на расстояние вытянутой руки, она одарила меня пристальным взглядом. Ее улыбка мгновенно исчезла, а сама она прищурилась. – Ты не слишком хорошо выглядишь. Как ты себя чувствуешь?

Моя мать шагнула вперед.

– У нее ужасное утреннее недомогание, и она накапливает воду, как арбуз.

Софи отпустила меня, чтобы моя мать могла поцеловать ее в обе щеки.

– И ее кожа вся в прыщиках, как у подростка.

– Между прочим, я вас слышу, – сообщила я, глядя на мою мать и на теперь бывшую лучшую подругу. Обе обернулись и посмотрели на меня с одинаковым выражением жалости. Проигнорировав их взгляды, я открыла дверь в ресторан. – Хочу есть! – крикнула я через плечо, не заботясь о том, последуют они за мной или нет.

Нас быстро усадили за деревянный стол рядом с передним окном, нижняя половина которого была прикрыта кружевной занавеской. Я была голодна как волк, но не потому, что не позавтракала. Проглотив несколько соленых печенюшек, я наконец смогла поднять голову с подушки и, ощутив настоящий голод, позволила миссис Хулихан разогреть для меня одну из булочек с брокколи, с каплей масла наверху. Булочка задержалась в моем желудке почти на три минуты.

Терзаемая голодом олимпийского пловца, я изучила меню и заказала сладкий чай, суп из крабов, маленькую тарелку с жареной курицей, кукурузный хлеб и рагу из креветок и риса, после чего была вынуждена объяснять ошеломленному официанту, что это заказ не на весь стол. Выбор Софи был скромней: овощная тарелка – все исключительно от местных фермеров – и большой стакан воды с лимоном. Моя мать заказала суп и салат, и ни та ни другая не ответила на мой воинственный взгляд.

Стремясь отвлечь разговор от моих диетических привычек, я повернулась к Софи.

– Ну и как тебе супружеская жизнь? Как прошел медовый месяц? Надеюсь, ты захватила фотографии.

Софи застенчиво заправила волосы за ухо, не обращая внимания на то, как они тотчас же выскочили обратно.

– Медовый месяц был просто потрясающим, и я очень рекомендую семейную жизнь. – Она слегка покраснела. Я пристально посмотрела на нее, гадая, что, кроме выцветших на солнце волос, кажется мне другим. Ее глаза сверкали, а кожа практически сияла. Будь на месте Софи Уоллен кто-то другой, я бы заподозрила, что она только что сделала химический пилинг и чистку лица, две вещи, которым – я знала это наверняка – она никогда не подвергла бы свою кожу.

– Ты выглядишь настоящей красавицей, – сказала моя мать, вторя моим мыслям и явно не обращая внимания на наряд Софи. – Супружеская жизнь определенно тебе на пользу.

Та одарила меня многозначительным взглядом.

– Серьезно, – сказала я. – Что ты используешь сейчас для своей кожи? Я видела младенцев с кожей похуже.

Моя мать села прямее и, слегка вздохнув, прижала руки ко рту.

– Что такое? Я чего-то не знаю? – Я растерянно перевела взгляд с Софи на мать, а затем снова на мою подругу.

– Я беременна! – почти выкрикнула Софи.

– Ты беременна? – крикнула я в ответ, отчего другие посетители повернули головы в нашу сторону. Она кивнула. Ее кожа светилась розовым, как созревший персик.

– Но как?.. – Я жестом указала на ее сияющее лицо, узкую талию и изящные лодыжки.

– По-моему, это обычное дело, Мелли, – нахмурилась моя мать.

– Я имею в виду, как ты можешь так выглядеть... и быть беременной?

Их улыбки слегка потускнели. Они пристально посмотрели на меня, стратегически глядя мне в глаза, а не на мое покрытое пятнами лицо, распухшие лодыжки или неудобно натянутую на колени юбку.

Моя мать положила руку поверх моей.

– Все беременности разные, Мелли. Меня всю мою беременность тобой выворачивало наизнанку, и я почти не набрала веса. Зато большую часть времени я была зеленой, а мой бюст просто не помещался в бюстгальтер. Но через несколько лет, когда Амелия была беременна Джеком, она выглядела потрясающе – она как будто светилась, а то, что она беременна, можно было определить лишь по маленькому животику спереди.

– По-твоему, мама, это должно помочь мне почувствовать себя лучше? Ты не только напомнила мне, что Джек моложе меня, но и дала понять, как я буду себя чувствовать и как буду выглядеть все девять месяцев. – Я не сомневалась: окружающие могли видеть, как мои гормоны проносятся над столом струями радужного фонтана, и поспешила подавить рыдание.

Наш официант приблизился с кувшином воды, но, заметив мою кислую физиономию, быстро изменил курс.

Софи взяла меня за другую руку и сочувственно ее пожала.

– Вот увидишь, как только твои гормоны успокоятся, ты почувствуешь себя намного лучше, а как только ты почувствуешь себя лучше, ты будешь лучше выглядеть. – Она улыбнулась, и я заметила, что даже ее зубы стали белее. – И не забывай, как важно питание, не только для ребенка, но и для тебя самой. Твой врач уже дал тебе литературу о том, что тебе следует есть?

Я тупо рассматривала белую салфетку у меня на коленях, как будто это внезапно стало важнейшей целью моей жизни.

– Мелли? – спросила моя мать.

– Я умираю от голода, – сказала я, выискивая взглядом нашего официанта. – Надеюсь, они быстро принесут мне суп.

– Мелли? – повторила она. Ее голос повысился на тон выше, и официант вновь отступил назад. – Ты еще не обращалась к врачу? Обратиться к врачу никогда не рано, тем более если учесть твой возраст.

Я шлепнула ладонями по столу.

– Спасибо, мама. Может, ты сможешь мне найти врача, специалиста в области гериатрического акушерства.

– Мелли, не говори чушь...

Софи подняла руку.

– Ты что... уже на третьем месяце?

Я посмотрела на нее.

– Если честно, я об этом пока не думала.

– Но ведь ты, конечно, знаешь, когда зачала? – не унималась Софи.

– Я на минутку отлучусь, ладно? Мне нужно припудрить нос.

Моя мать ласково улыбнулась нам, встала и направилась в туалет. Мы обе посмотрели ей вслед.

– Похоже, ей не хочется знать подробности, – сказала Софи. – Вроде того, как ты не хочешь признать, что твой отец практически живет в ее доме на Легар-стрит.

– Фу, – сказал я, чувствуя, как возвращается утренняя тошнота.

– Именно. – Софи придвинула свой стул чуть ближе к столу. – Итак, я предполагаю, что ты зачала в ночь своего дня рождения. – Она принялась считать на пальцах, начиная с большого пальца – я всегда находила это странным и в то же время милым. – То есть сейчас у тебя примерно два с половиной месяца беременности. Самое время найти хорошего гинеколога. Одна коллега дала мне список всех местных врачей, которые работают с акушерками и отдают предпочтение домашним родам без наркоза. Буду рада поделиться...

– Нет, – сказала я, не желая больше ничего слышать. – Я согласна с тем, что мне следует заняться поисками врача, который поможет мне родить моего ребенка. И мне немного неловко признаться, что я впервые поймала себя на том, что мне может понадобиться чья-то помощь – в основном потому, что сама я не в состоянии сделать себе эпидуральную анестезию, которая мне понадобится в третьем триместре. Но я не собираюсь рожать дома и уж точно не сделаю этого без наркоза.

Несколько мгновений Софи растерянно моргала.

– Ну что ж. Я сохраню свой список при себе. Но мне кажется, тебе стоит хотя бы подумать об альтернативе...

– Нет, – твердо сказала я и, чтобы смягчить мой резкий тон, поспешила добавить. – Но спасибо. Как ты помнишь, когда мне прокалывали уши, я упала в обморок. Я хочу быть без сознания примерно с восемью месяцев и до того момента, когда ребенок начнет спать всю ночь, не просыпаясь.

По лицу Софи промелькнула таинственная улыбка.

– Думаю, тебя ждет сюрприз.

Я уже собралась заспорить, но тут к столу вернулась моя мать. Официант наконец решился-таки подойти к нам еще раз со стаканом воды и корзинкой хлеба. Игнорируя недоуменные взгляды моих обеих соседок по столу, я намазала маслом кукурузный хлеб и вновь повернулась к Софи.

– Хотела заранее предупредить тебя, что тебе позвонит детектив Томас Райли и станет расспрашивать про историю моего дома на Трэдд-стрит и Вандерхорстов. Я сказала ему, что ты эксперт.

Софи нахмурила брови.

– Не имею ничего против, но почему?

Прежде чем ответить, я сделала глоток сладкого чая.

– Похоже, что работы с фундаментом обнажили не только старые кирпичи и раствор.

Вытаращив глаза, Софи подалась вперед, словно старатель, который только что нашел золото.

– Что? – спросила она почти благоговейным тоном.

– Останки младенца. И что-то похожее на крестильное платье и кружевной чепчик... мы пока не получили окончательного заключения. – Мать наклонилась вперед и шепотом добавила: – Мелли слышала детский плач, и не очень приятный призрак дал о себе знать.

– Джозеф Лонго? – прошипела Софи.

Я покачала головой.

– Нет. Он определенно ушел. Это... кто-то другой. Кто-то, кто был разбужен, когда останки ребенка были найдены.

– Значит, они связаны между собой, – сказала Софи почти себе самой.

– Мы тоже так думали, – добавила моя мать, вытирая салфеткой уголки рта.

– А вчера на чердаке произошел небольшой инцидент.

– Инцидент? – переспросили они в унисон.

– Колыбель, которая до этого была погребена под тяжелой мебелью и ящиками, была передвинута на верхнюю ступеньку лестницы.

– Колыбель? – спросила Софи, прищурившись. – Она сделана из черного ясеня с закрученными шпинделями и полозьями в форме эгреток?

Я в упор посмотрела на нее.

– Да, точно. Откуда ты знаешь?

– Потому что в конце прошлого семестра я была в Чарльстонском музее с группой моих студентов и видела ее там. Она называлась «колыбель семьи Вандерхорстов». В городе так много Вандерхорстов, что я не смогла сказать, принадлежала ли она твоим.

– Они не мои, – поправила ее я. – Но это действительно похоже на ту самую колыбель. Вдруг, когда их покупали, была акция «две по цене одной», – пошутила я, намазывая маслом новый кусок хлеба. Когда Софи упомянула о второй колыбели, в моем горле мгновенно застрял холодный комок страха, и мне срочно требовалось поднять настроение, чтобы не потерять аппетит.

– Может быть множество причин, почему их две, – сказала Софи. – Вероятно, нам стоит совершить экскурсию, чтобы это проверить. Вдруг что-нибудь прояснится.

– Она за стеклом? – спросила моя мать.

Я с удивлением посмотрела на нее.

– Ты ведь не станешь это трогать, верно?

Она была той, кого люди называли «сверхчувствительной». Ей было достаточно прикоснуться к вещи, чтобы пообщаться с призраками тех, кому та когда-то принадлежала. Правда, последние два раза этот дар едва не убил ее.

– Я могла бы, если это способно помочь. Хотелось бы, по крайней мере, на это взглянуть.

– Вы и Софи можете пойти. Как вы знаете, я не хожу в музеи.

Мать и Софи понимающе кивнули, отлично зная, что мое отвращение к музеям не имеет ничего общего с неприязнью к истории – в большей степени виной тому упрямые призраки, которые никак не желали расставаться с любимым платяным шкафом. Или колыбелькой.

Официант принес наш заказ. Жадно набросившись на мою тарелку риса с креветками, я вновь повернулась к Софи.

– Как бы то ни было, я сказала детективу Райли, что ты эксперт по Вандерхорстам и моему дому, но ему нужно подождать, пока ты не вернешься из свадебного путешествия. Даже если велась какая-то нечестная игра, думаю, преступникам это сошло с рук, и никаких арестов не последует.

– Несомненно. – Наморщив лоб, Софи замерла над своей вегетарианской тарелкой и погрузилась в задумчивость. – У тебя есть мысли на тот счет, как долго там находились останки?

– Нет, – сказала я. – Они пытаются определить это сейчас. Почему?

– Мне нужно покопаться в моих файлах, но я знаю, что примерно в середине девятнадцатого века в доме был произведен ремонт. Если бы я хотела что-то спрятать, причем так, чтобы никто этого не нашел, проще всего было заложить это нечто кирпичом в фундаменте дома.

Я с растущим беспокойством посмотрела на Софи. Не скажу, что находка останков ребенка в фундаменте моего дома стала для меня неожиданностью, но тот факт, что кто-то намеренно или даже злонамеренно спрятал их там, заставил меня зябко поежиться.

Софи сделала длинный глоток воды.

– Я это изучу и дам вам знать. – Она на мгновение замерла, размышляя. – Зачем кому-то понадобилось прятать тело мертвого младенца?

Мы все молчали, взвешивая возможности, и ни одна из них нас не вдохновила.

Когда мать заговорила снова, ее голос прозвучал еле слышно:

– И на что они готовы, чтобы сохранить свой секрет?

Я посмотрела на мою тарелку. Аппетита как не бывало.

– Почему мертвые не могут оставаться мертвыми? – спросила я почти шепотом.

Мать взяла меня за руку.

– Потому что им нужна твоя помощь.

Я почти слышала пронзительный рев плачущего младенца, а сама думала про падающую люстру, а также силу, необходимую для того, чтобы сдвинуть колыбельку к верхним ступеням лестницы. Я подняла глаза и, встретившись с матерью взглядом, поняла: наши мысли совпадают. Внезапно мне стало очень, очень страшно.

Глава 6

Спустя два дня, выходя за дверь, я остановилась, чтобы взять со столика в холле ключи от машины и случайно поймала в венецианском зеркале девятнадцатого века свое отражение. К этому времени я уже уяснила, что все усилия, необходимые для того, чтобы встать с постели и дотащиться до зеркала, никогда не будут вознаграждены, независимо от того, сколько макияжа я использовала. Пока не придуман макияж для пухлой, пятнистой кожи, мне лучше оставаться в неведении и просто наносить тушь, помаду и пудру, сидя на кровати, подальше от любых отражающих поверхностей.

Я уставилась на свое отражение и потянула за верх куртки, в надежде прикрыть мое недавно округлившееся декольте. У нас с Джеком была назначена встреча для осмотра наших первых домов, и, хотя я не хотела переусердствовать с тем, как я выгляжу, мне также не хотелось, чтобы Джек с испуганным криком убежал от меня в ближайший лес. Поэтому я надела мою любимую куртку с молнией спереди, полагая, что так мне будет легче удерживать бюст без этих

надоедливых пуговиц, которые имели привычку в самый неподходящий момент выскакивать, как пробка из бутылки шампанского.

Я наклонилась вперед, чтобы рассмотреть то, что никак не могло быть очередным прыщиком на подбородке, как вдруг отчетливый звук удара по клавише рояля заставил меня обернуться. Я скользнула глазами по прихожей и прилегающим комнатам, затем вверх по лестнице, выискивая пятно мерцающего воздуха. Но не увидела ничего, кроме расписанных вручную китайских обоев, восстановление которых обошлось мне в астрономическую сумму, и треснувшего гипсового медальона на потолке, с которого свисала хрустальная люстра. К счастью, Софи еще не заметила трещину, иначе мне пришлось бы выписать еще один астрономический чек.

Думая, что просто вообразила себе звук, я слегка расслабилась, но он послышался снова, правда, на этот раз на другой ноте, чуть выше. Я медленно-медленно подошла к комнате, которая должна была стать моим кабинетом, и замерла у порога. Огромный черный рояль выглядел точно так же, как и в доме Джулии Маниго. Но как только я сделала вдох, и мои легкие замерзли, я поняла: я здесь больше не одна.

«Я сильнее тебя», – мысленно сказала я, повторяя мантру, которой научила меня моя мать и которую мы не раз использовали в прошлом году.

Мной овладело знакомое желание напеть мелодию группы «АББА», чтобы заблокировать все, что этот дух мог мне сказать. Кто бы он ни был, он должен сдаться и оставить меня в покое. Я заколебалась, думая о своей матери. Она считала, что мы с ней получили наш «дар» для того, чтобы помочь заблудшим духам перенестись в свет, и какая-то часть меня даже начала с ней соглашаться. Но сейчас, стоя одна в моем доме наедине с призраком, который отказывался становиться видимым и ронял на людей люстры, я засомневалась.

– Привет! – сказала я, и мое морозное дыхание облачком поплыло в комнату. Кто бы это ни был, нужно, чтобы он ушел. В моей жизни и без того слишком много сложностей. – Я знаю, что ты там. Ты прячешься, но я могу сказать. – Я глубоко вздохнула, игнорируя все, чему меня учила мать, в слабой надежде на то, что, возможно, этого призрака будет легко прогнать. Я видела, как работает эта техника в одном из захватывающих шоу, которые любила смотреть Нола, так что она должна была сработать и сейчас. Я откашлялась.

– Это мой дом, и я хочу, чтобы вы ушли. Ищите свет и следуйте за ним.

Я прислушалась, но различила лишь тиканье напольных часов в коридоре. Я почти убедила себя, что чувствую, как температура возвращается к норме, и была готова погрозить себе кулаком, когда невидимая рука нажала на пианино другую клавишу, а мне в лицо обрушился поток ледяного воздуха, который превратился в одно слово: «Мое».

Я вскрикнула и повернулась, чтобы броситься к входной двери, но обнаружила, что меня крепко держит пара сильных мускулистых рук. Я тотчас перестала кричать и брыкаться. Мой разум и тело мгновенно поняли: я в безопасности, это Джек, и мне больше не нужно ничего бояться. Холодный воздух полностью рассеялся, и мне внезапно стало жарко.

– Что случилось? – спросил он, почти касаясь губами моего уха.

Я прижалась головой к его груди. Если честно, я была готова простоять так целую вечность.

– Кто-то... что-то... играл на пианино.

– Хорошо играл?

Я дернулась и отстранилась.

– Я рада, что ты находишь это забавным, Джек, но это немного пугало... даже меня. Как будто в мой дом вторглись незваные гости, и мне это не нравится.

– Если ты помнишь, здесь и раньше водились привидения.

Я растерянно моргнула. Он, безусловно, прав, и на миг я даже не поняла, почему сейчас все по-другому.

– Наверно, потому, что я воспринимаю этот дом как свой. В то время как раньше...

– Он был больше похож на прыщ на мягком месте.

– Ты, как всегда, красноречив, Джек.

– Я бы поблагодарил тебя, но это не мои слова. Я дословно цитирую тебя.

Я не стала спорить с ним – в основном потому, что опасалась, что он прав и это действительно мои слова. Я лишь встала руки в боки и в упор посмотрела на него.

– Как ты сюда попал? – Я опустила взгляд на его ноги, где сидел счастливый Генерал Ли. Я погрозила ему пальцем. – Тоже мне, сторожевой пес! Почему ты не дал мне знать, что в дом вошел кто-то посторонний?

– Возможно, потому, что он чувствует во мне своего, – сказал Джек, протягивая новенький ключ от дома. – Нола одолжила мне свой ключ. Она хотела, чтобы после того, как мы посмотрим другие дома, я зашел сюда и взял кое-что из ее нот, которые она оставила на скамеечке для пианино, но поскольку я проезжал мимо... – Он пожал плечами и отправил в мою сторону улыбку, призванную сразить меня наповал.

Я ответила ему ухмылкой типа «Не старайся, на меня это не действует» – что было не совсем правдой – и сказала:

– В следующий раз, пожалуйста, позвони в дверь.

– Я звонил. Похоже, звонок опять не работает.

Я застонала, но ногой не топнула. Я уже потратила эквивалент ВВП небольшой страны, пытаюсь поддерживать звонок в рабочем состоянии, но соленый воздух и влажность Чарльстона как будто сговорились против старых дверных звонков. Большинство моих соседей к югу от Брод-стрит отлично знали: если на звонок в дверь никто не откликнулся, постучите разок и смело входите внутрь.

Я посмотрела на часы.

– Я только позвоню в офис, сообщу, что мы выезжаем. – Я бросила Джеку ключи. – Иди к машине и включи кондиционер. Мне нужно найти сумочку и телефон.

Он остановил меня.

– Вообще-то я надеялся, что сяду за руль сам. У меня новая машина.

– Новая машина? Ты продал свой пикап?

– Я никогда не продам его, кроме как для того, чтобы купить новый. Кажется, я уже говорил тебе, что парню из Южной Каролины просто положено иметь пикап.

Я понизила голос до тона приглушенного благоговения.

– Ты продал свой «Порше»?

– Ну да, – ответил он со своей обычной сногшибательной улыбкой на лице.

– И что ты купил взамен? – спросила я, выходя на крыльцо, и обвела взглядом улицу в поисках чего-то красного и итальянского.

– Иди, заberi свои вещи, и я тебе покажу. Но только, чур, закрой глаза. Это сюрприз.

Терзаемая любопытством, я отбросила подозрительность и закрыла глаза. Крепко взяв меня за руку, Джек помог мне спуститься с крыльца и повел по дорожке к тротуару.

– Теперь можешь открыть глаза, – сказал он и отпустил мою руку, когда я это сделала. Я обвела глазами Трэдд-стрит в поисках чего-то иностранного, длинного и низкого, но ничего не увидела.

– Где он?

Джек похлопал по водительской двери автомобиля прямо передо мной с наклейкой фирмы-продавца на заднем стекле.

– Вот она, моя маленькая красotka. – Я несколько раз моргнула. Машина была иностранной – японской – и определенно красной. Но не длинной и не низкой.

– Это минивэн, – сказала я.

– Ну да. Я не могу вместить детское кресло в «Порше», а в моем грузовике нет всех функций безопасности, которые необходимы, если я собираюсь возить ребенка. – Он потянул за дверной рычаг, и вся боковая панель медленно открылась. – Двери защищены от защемления. Они не закроются, если что-то мешает, а все сиденья кожаные – так легче смыть пролитый яблочный сок. Здесь также есть встроенное детское сиденье, когда ребенок вырастет из автокресла.

Глаза Джека сияли. Он говорил быстро, словно подросток, впервые взявший в руки журнал «Плейбой».

– И еще зацени вот это. – Он откинулся на спинку сиденья и нажал кнопку. – Это DVD-плеер, поэтому Джека-младшего можно будет развлекать по дороге на турниры по гольфу – Нэнси Флаэрти обещала нам бесплатные уроки – и футбольные матчи Каролины. Разумеется, только образовательные программы. Никакого насилия, нецензурной брани или чего-то не соответствующего возрасту.

Я на секунду подумала, не попала ли я, часом, в некую альтернативную вселенную. Но все, что я смогла сказать, было:

– Джек-младший?

– Ну, это просто мысль. У нас есть время подумать. При желании его можно сократить до ДМ. – На мгновение я отвлеклась от ярко-красного минивэна.

– Вообще-то это может быть девочка. – Я посмотрела на его оживленное лицо: его волнение ничуть не утихло. Мое сердце сжалось.

– Конечно. И я был бы счастлив иметь еще одну дочь. Но я подумал, что неплохо иметь и дочку, и сына.

Я скрестила на груди руки.

– А ты придумал для нее имя?

– Я подумал, а не назвать ли нам ее в честь твоей бабушки, раз ты ее так любила. Сара – хорошее, звучное имя. Хорошо подойдет и для генерального директора компании, и для президента страны.

Он улыбнулся, и мои колени слегка смягчились.

– Джек-младший – тоже президентское имя?

Джек пожал плечами.

– Возможно. Но ему необязательно быть президентом или управлять компанией. Он будет иметь достаточно авторитета и влияния исключительно благодаря своему обаянию. Это наша семейная черта. – Он нахально подмигнул.

Я покачала головой, пытаюсь ее прояснить, затем исподтишка скользнула взглядом вдоль улицы, ища телекамеры или Эштона Кутчера, который бы сказал мне, что я лоханулось. Я снова повернулась к Джеку.

– Ты поменял свой «Порше» на минивэн. И ты уже дал имя ребенку.

Я ощутила легкий укол того, что могло быть только ревностью. Мои мыслительные процессы едва дошли до той точки, когда я начала склоняться к тому, что, возможно, мне пора покупать одежду для беременных. Джек же, вероятно, уже начал заказывать экскурсии в колледжи.

Джек взял меня за руку, и искра тока, пробежавшая до самого плеча, вернула меня к реальности.

– Давай садись. Это действительно приятная поездка.

Джек открыл для меня пассажирскую дверь, помог мне сесть и не спеша перешел к водительскому сиденью. Затем, закрыв дверь, начал превозносить замечательные особенности фургона. Я слушала вполуха, так как замороженно наблюдала за ним. Такого оживленного лица я не видела у него... с той самой ночи, когда мы зачали ребенка. Я бы ни за что не призналась в этом, но эта совершенно новая сторона Джека меня возбуждала. Я закрыла глаза и покачала головой, гадая, скажутся ли гормоны на моем мышлении в течение всех девяти

месяцев беременности.

Поняв, что он задал мне вопрос, я вздрогнула.

– Извини, что ты сказал?

– Тебе также следует подумать о приобретении новой машины. Если ей больше трех лет, значит, там нет всех последних функций безопасности. Вообще-то я по своей инициативе уже устроил небольшую автомобильную охоту. Загляни в бардачок, увидишь там несколько брошюр.

Двигаясь скорее любопытством, нежели раздражением, я открыла бардачок и вытащила брошюру. И растерянно вытаращила глаза на фото на обложке.

– Ты хочешь, чтобы я водила универсал?

– Не просто универсал – универсал «Вольво». Стильно и безопасно. В нем достаточно места и для автокресла, и для твоих клиентов.

Он улыбнулся своей коронной улыбкой, и мое сердце вновь сделало сальто.

– Так ты думаешь, мне не нужен еще и минивэн? – пошутила я, но только наполовину.

– Я подумал, что одной машины для нашей семьи хватит, а ты?

Семья. Это слово застало меня врасплох. У меня перехватило горло, и я не могла выдать ни звука. Чтобы как-то отвлечься, я взглянула на свой мобильник – нет ли там пропущенных сообщений или звонков.

– Куда поедем? – спросил Джек. Я растерянно подняла глаза, пытаюсь вспомнить, почему мы оба сидим в красном минивэне перед моим домом.

– В «Ай-Он». Это в Маунт-Плезанте. Так называемый новый городской ТЖК.

– ТЖК? – спросил Джек.

– Традиционный жилой квартал, – объяснила я. – Множество тротуаров, веранд, магазинов и ресторанов, и все в нескольких минутах ходьбы. Знаю, это не к югу от Брод-стрит, но дома здесь красивые, точные копии многих исторических домов, за исключением того, что новые. Из нескольких открывается красивый вид на озеро и реку, и у всех есть просторный двор. Ты упомянул качели и бассейн... в самом Чарльстоне этого не найти. – Я не стала добавлять, что этот ТЖК расположен довольно близко ко мне, хотя и не слишком.

Джек нахмурился.

– Мне действительно хотелось что-то старое, пусть даже дом придется немного довести до ума, чтобы я мог оставить на нем свой личный отпечаток. Я даже не стал бы возражать против парочки привидений.

Наши взгляды на мгновение встретились, после чего он вновь посмотрел на дорогу.

– Будь осторожен в своих желаниях, – пробормотала я.

– Может, для начала посмотрим что-нибудь на Трэдд-стрит?

Я, как могла, постаралась, чтобы мой голос не прозвучал слишком сдавленно.

– Ты это серьезно, Джек? Всякий раз, когда мы оказываемся слишком близко, это заканчивается катастрофой.

Джек покосился на мой живот, а потом встретился со мной взглядом.

– Не всегда.

Я покраснела и отвернулась.

– Давай просто посмотрим те два новых дома. Все, о чем я тебя прошу, постарайся быть непредвзятым.

Зажужжал мой айфон, и я, прежде чем ответить, посмотрела на экран.

– Алло. Мелани Миддлтон слушает.

– Здравствуйте, мисс Миддлтон. Это детектив Райли. Надеюсь, я не застал вас в неподходящий момент. – Его голос был низким, бархатистым, очень южным и очень приятным для слуха.

Я взглянула на Джека.

– Нет, совсем нет. Я чем-то могу помочь?

– Вообще-то я звоню вам, чтобы сообщить кое-какие новости. Похоже, лаборатория получила предварительные результаты по найденным в вашем доме останкам.

– Ничего себе! Так быстро? Когда мы в последний раз нашли останки, мы ждали результатов гораздо дольше.

– В последний раз?

– Ну, не я лично. Они были найдены в лодке, принадлежавшей моей семье, которая затонула в гавани во время Чарльстонского землетрясения. Старая история. То же самое и с двумя телами, зарытыми под моим фонтаном.

– Понятно, – сказал он. – Значит, вы просто магнит для старинных останков.

Эх, знал бы он хотя бы половину правды!

– Включите меня в штат, и у вас тотчас не останется нераскрытых убийств.

– Что ж, это идея. – Он помолчал. – Послушайте, может, мне сообщить новости вам лично? Я сейчас как раз в вашей части города. Может, за чашкой кофе?

Я взглянула на Джека. Он с такой силой сжимал руль минивэна, что костяшки его пальцев побелели. Вряд ли в замкнутом пространстве салона он слышал каждое слово моего разговора, но, по крайней мере, вполне мог понять, что звонивший явно был мужчиной.

– Вообще-то, – сказала я, повернувшись спиной к Джеку и глядя в боковое окно, – у меня сейчас клиент, и боюсь, что большую часть дня я буду занята показами домов.

Я была в нерешительности. Томас Райли мне нравился. Более того, я была готова даже признать, что нахожу его привлекательным. А он неким извращенным образом находил нечто привлекательное во мне. Но он не был Джеком. И он также в ответ на мое признание в любви не сказал «Извини» или не попросил меня выйти за него замуж только потому, что я была беременна.

Я откашлялась. Я просто обязана уйти от того жалкого создания, в которое я превратилась, даже если это означало расстаться с Джеком.

– Как насчет ужина?

В голосе детектива мне послышалось удивление.

– Я только за. Как вам итальянская кухня?

– Вообще-то я ее обожаю.

– Отлично, я знаю потрясающий ресторан на Кинг-стрит, если вы не против. Могу я заехать за вами в шесть?

– Прекрасно. Но, детектив Райли...

– Пожалуйста, зовите меня Томас.

– Ну хорошо. Томас, сначала просветите меня по поводу того, что вы там нашли. Я просто не смогу дождаться вечера, чтобы все услышать.

Он тихо рассмеялся, и мне понравился его смех.

– Похоже, останки принадлежат мальчику, но поскольку иных фактов слишком мало, это лишь предположение. Кости пролежали там больше века – если не почти два. Я позвонил вашей подруге, доктору Уоллен-Араси, попросил ее помочь определить время, когда в доме могли происходить строительные

работы. И из того, что удалось установить, ребенок, скорее всего, был новорожденным. К сожалению, установить причину смерти будет практически невозможно.

Я нервно сглотнула.

– То есть это мог быть мертворожденный или умерший естественным образом вскоре после рождения.

– Конечно. Или нет. – Он умолк, давая мне возможность добавить недостающие части. – Обычно умерших естественной смертью не зарывают в фундаменте домов.

– Разумно. Есть что-то еще про платье и чепчик?

– Да. Они сшиты из очень тонкого полотна, поэтому большая часть ткани истлела. Одежда, похоже, намного старше останков. Но воротник платья, сшитый из другого материала, практически цел. Нам повезло, потому что кто-то шелковыми нитками вышил на нем имя. Сьюзан Бивенс.

– Есть идеи, кто это?

– Нет, но я надеялся, что вы или доктор Уоллен-Араси знаете.

Я взглянула на Джека. Он все еще сжимал руль мертвой хваткой, въезжая на мост Артура Равенеля, соединяющий Чарльстон с Маунт-Плезант.

– У нас... у меня есть знакомая, которая работает в исторических архивах. Я могу попросить ее посмотреть.

– Отлично. – Он глубоко вздохнул. – Кажется, я рассказал вам почти все. Вы еще не раздумали со мной поужинать?

Я почти чувствовала, как глаза Джека прожигают дыры в моем затылке.

– Нет. Буду с нетерпением ждать.

– Тогда увидимся в шесть. Я знаю адрес.

Мы попрощались, и я сунула телефон обратно в сумочку.

– Так о чем нам нужно поговорить с Ивонной?

Нам. Это слово не ускользнуло от меня, так же, как и напряжение в его голосе.

– О крестильном платице, которое нашли вместе с детскими останками. Оно, похоже, старше самих останков, а на воротничке вышито имя – Сьюзан Бивенс. Тебе это ни о чем не говорит?

Джек покачал головой.

– Нет, но Ивонна, пожалуй, могла бы сказать. Я могу позвонить ей прямо сейчас и попросить о встрече. Когда ты свободна?

Еще совсем недавно я была убеждена, что, если мы с Джеком расстанемся, так будет лучше для всех. Но потом я подумала о том, что он продал свой «Порше» и купил минивэн, а также о том, как здорово мы с ним умеем разгадывать загадки, и испытала сомнение. А потом он посмотрел на меня своими голубыми глазами, и от моей решимости ничего не осталось. Я начисто забыла, что он меня не любит и что, если я не буду осторожна, он, наверное, вновь разобьет мне сердце. Но, как лемминг, бросающийся вниз со скалы, я не могла остановиться.

– Четверг довольно свободный день, – сказала я, стараясь не поежиться при воспоминании о моем почти пустом календаре. – Во сколько угодно... только не в начале дня. Мне нужно время, чтобы мой желудок успокоился.

Он улыбнулся той улыбкой, которая тотчас сказала мне, что он знает, что выиграл, затем нажал кнопку на рулевом колесе, чтобы набрать номер.

Мы переезжали гигантский вантовый мост, и я смотрела на реку Купер. Нам навстречу, лавируя против течения, двигался парусник с высокими мачтами и трепещущими на ветру парусами. Над ним, словно нервная птица, колыхался американский флаг, которому, как мне показалось, не хватало всех звезд. Я села

прямо и впилась в него глазами: верхняя мачта была явно слишком высока, чтобы без повреждений проскользнуть под мостом. Я уже было хотела крикнуть, но корабль со всеми людьми, парусами и флагами распался и исчез в тумане времени, откуда он и появился.

– С тобой все в порядке? – спросил Джек.

Я кивнула, не в силах солгать вслух, улыбнуться и сказать, что в том, чтобы на регулярной основе видеть мертвых людей и верить, что мы с Джеком можем просто оставаться друзьями, нет ничего из ряда вон выходящего.

Я отвернулась к боковому окну и, чтобы больше не лгать, закрыла глаза.

Глава 7

Я стояла в своем тихом чарльстонском саду, спиной к розам Луизы и фонтану, над которым нависли длинные ветви старого дуба. Веревочные качели все еще свисали с древних ветвей, покачиваясь где-то на периферии зрения. Даже точно зная, что мистер Вандерхорст ушел навсегда, я поймала себя на том, что напрягаю слух, чтобы услышать скрип веревки о кору дерева, пока одинокий маленький мальчик ждет там свою мать.

Я смотрела на раскуроченный фундамент моего дома, обнесенный неоновой желтой лентой, и груды мусора там, где был обнаружен ящик с останками. Дом был полон призраков, которые были готовы мирно жить каждый в своем углу, а меня оставить в покое, и мы по возможности сторонились друг друга. Но дух, пробудившийся после находки останков, был не из их числа.

Я вздрогнула, вспомнив слово, ледяным дыханием ударившее мне в ухо. «Мое». Что она имела в виду? Хотя я ее не видела, но вместе с ледяным холодом чувствовала: это явно была женщина. По какой-то причине это только усугубило ситуацию. Уж слишком легко было связать разъяренную женщину и останки младенца.

Я закрыла глаза. Мысли вертелись в моей голове, словно белка в колесе. С возрожденным усердием я начала покупать и читать все книги о беременности и раннем детстве, какие только могла найти, включая те, что дал мне Джек. Среди всех этих бодрых наставлений в духе «только грудное вскармливание» или «только естественные роды», было также более чем достаточно информации о физических изменениях после родов, сексе после рождения ребенка (я легко пропустила эти главы), сочащемся из груди молоке и послеродовой депрессии.

Мать заверила меня, что с последним у нее не было проблем, и это меня утешило. Но стоило мне вспомнить мертвого младенца и разгневанный призрак женщины, как я невольно задалась вопросом.

Я отвернулась, моя утренняя тошнота, похоже, грозила повториться. Мой взгляд скользил по ухоженным кустам и дорожкам партерного сада, плодам трудов моего отца. Хотя изначально сад был спроектирован известным ландшафтным архитектором Лутрелом Бриггсом, мой отец воскресил его в качестве подарка мне на новоселье, что также дало ему цель и занятие, пока он посещал собрания анонимных алкоголиков.

Прищурившись, я зорким взглядом риелтора осмотрела большой угловой участок и сад и вдруг поняла: да ведь тут есть место для небольшого бассейна и качелей – именно то, чего хотел Джек! Накануне мы посмотрели несколько участков, но Джек счел все дома слишком «новыми». Я сделала мысленную заметку, что нужно посмотреть угловые участки в исторических кварталах Чарльстона – кроме тех, что расположены к югу от Брод-стрит.

– Мелли? – Я обернулась и увидела рядом с кухонной дверью Нолу.

– Привет, Нола, – сказала я и с улыбкой шагнула к ней. Была суббота, поэтому вместо школьной формы на ней был эклектичный наряд: легинсы, фиолетовые кроссовки, джинсовая юбка, школьная футболка с нашитыми вручную аппликациями в виде пацифика и шарф с цветами радуги, – кстати, последний пугающе напоминал тот, что я видела на Софи, – искусно обмотанный вокруг шеи. Они с Софи делали покупки в одних и тех же магазинах, но у Нолы хотя бы имелся намек на стиль, которого Софи явно не доставало. Впрочем, она этого не замечала.

– Суперский прикид, – сказала она.

Я посмотрела на свою мешковатую футболку, которую стащила из ящика отца, и такие же мешковатые белые брючки капри со шнурком на поясе, которые из жалости подарила мне миссис Хулихан. По ее словам, когда-то они принадлежали ее дочери, но у меня возникло ужасное подозрение, что они на самом деле принадлежали самой миссис Хулихан.

– Спасибо, – сказала я. – У меня пока не было времени приобрести одежду для беременных.

– Была занята, показывая дома моему отцу?

Нола прищурила голубые глаза и бросила взгляд на сад. Похоже, она думала о том же, что и я.

– Это да. А еще я много читаю о беременности и родах. Мне нравится быть в курсе. – Я не стала упоминать тот факт, что я также начала составлять таблицу еженедельных изменений в моем теле и ребенке. И главное, я умолчала о том, что мой прогнозируемый вес по истечении девяти месяцев – при условии, что я буду прибавлять с той же скоростью, что и в первые два – будет в два раза больше веса моего тела перед беременностью.

– С тобой все ясно. Теперь я буду слышать все эти противные вещи про беременность и от тебя, и от моего отца. Хотя я могла бы прожить долго и счастливо и без таких слов: «плацента» или «послед». В смысле, если меня не угораздит влюбиться и выйти замуж, а затем завести собственного ребенка. Необязательно в таком порядке, – сказала она, скользнув по мне взглядом.

Наслаждаясь прохладой кондиционера, я вошла в кухню.

– Ты завтракала? – спросила я, чтобы сменить тему.

Встав в дверях кладовой, я протянула руку к коробке с глазированными пончиками. Я тайком положила их туда после того, как миссис Хулихан уехала на выходные.

– Ага. Я просто пришла спросить, можно ли мне примерно часик попрактиковаться на фортепиано?

Мой взгляд задержался на коробке органических картонных кукурузных хлопьев, которые мне дала Софи, и на книге рецептов домашнего детского питания – ни то ни другое у меня не было ни малейшего намерения использовать.

– Конечно. Как только я закончу завтракать, я сяду с ноутбуком в гостиной, чтобы закончить кое-какую работу. Мне нравится слушать твою игру, так что ты мне не помешаешь.

– Отлично. – Вместо того чтобы уйти, она села на один из кухонных стульев и скрестила на груди руки. С внутренним вздохом взглянув на прощание на пончики, я взяла коробку хлопьев и поставила ее на стол.

– Кстати, неплохо бы настроить рояль, – с улыбкой сказала она. – Три ноты залипают, и это действует на нервы. Должно быть, это из-за переезда, потому что в доме мисс Маниго все клавиши отлично работали.

– Хорошо. Я поищу тюнер. – Я подумала о пончиках в кладовой и с надеждой посмотрела на Нолу. – Ты будешь сегодня заниматься?

– Да. Они только иногда залипают.

подавив вздох, я достала миску и ложку и нехотя вытащила пакет соевого молока.

– Как прошло твоё свидание с детективом Райли? – спросила она, когда я повернулась к ней спиной.

Я растерянно обернулась.

– Это никакое не свидание. Мы просто говорили о делах. И вообще, как ты узнала про детектива Райли?

Она пожала плечами и принялась ковырять черный лак на ногтях.

– Просто слышала, как папа разговаривает по телефону с бабушкой. – Она посмотрела на меня глазами Джека. – Вид у него был не слишком счастливый.

Я села напротив нее и залила хлопья молоком. Мне отчаянно хотелось узнать больше, но я и без того знала: то, что Нола пытается сказать мне, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Сосредоточившись на чашке хлопьев с молоком, я сказала, напряженно глядя в свою миску:

– Ты же знаешь, что независимо от моих отношений с твоим отцом, тебе всегда здесь рады. Ты для меня как дочь, и так будет всегда. Я всегда буду с тобой рядом.

Она закатила глаза к потолку, но я успела заметить в них влагу.

– Как скажешь, – буркнула она, отодвинула стул и встала.

Зазвонил телефон, но я, как всегда, проигнорировала его, доливая молоко в хлопья, и, мысленно приготовившись, сунула в миску ложку.

– Ты не собираешься отвечать?

Я в замешательстве посмотрела на Нолу, и лишь затем поняла, о чем она говорит.

– На звонок? Нет. Я никогда не беру трубку домашнего телефона, потому что это всегда какая-нибудь реклама. Все, кому это нужно, знают номер моего мобильного.

– Тогда зачем он тебе?

Не донеся ложку до рта, я в упор посмотрела на нее.

– Хороший вопрос. Нужно будет подумать на досуге.

Нола снова закатила глаза.

– Позже, – сказала она и вихляющей походочкой Джека вышла из кухни.

Не успела я устроиться в гостиной в своем любимом кресле с чашкой кофе без кофеина (моя заначка настоящего кофе, очевидно, была обнаружена и утилизирована), как раздался звонок в дверь. Я застонала. Похоже, звонок в дверь срабатывал на свое усмотрение. Нола была занята разучиванием гамм и не слышала. Что делать? Пришлось подняться со стула и проковылять к двери. Розовое мерцание за матовым стеклом тотчас подсказало мне, кто это. Я уже было собралась тихонько отступить и спрятаться, но у Генерала Ли были свои планы. Он начал бросаться на дверь и громко скулить.

– Мелани? Это Ребекка. Ты дома? Никак не пойму, исправен твой дверной звонок или нет.

Я посмотрела на брючки капри от миссис Хулихан и отцовскую футболку и поняла, что добром это не кончится. Смирившись со своей судьбой, я открыла дверь. Моему взгляду, словно этакое розовое видение, предстала моя кузина, Ребекка Эджертон. Ярко-розовый сарафан и розовый свитер из хлопка, элегантно накинутый на плечи. На шее, подчеркивая нежный загар, нитка белого жемчуга. А у ее ног, соединенная с Ребеккой тонким розовым поводком, сидела миниатюрная версия Генерала Ли. Правда, эту версию украшали такие аксессуары, как усыпанный стразами розовый ошейник и крошечные розовые бантики на обоих ушах. Генерал Ли тотчас подскочил к маленькой собачке, и они начали как безумные тереться носами и нюхать друг у друга под хвостом.

Ребекка потянула за поводок. Ее идеальные черты исказила брезгливая гримаска.

– Пуччи – плохая девочка. Это проявление дурных манер.

– Пучи? – повторила я, надеясь, что ослышалась.

– Нет, П-У-Ч-Ч-И – как имя итальянского модельера. Раз уж Генерал Ли меня так сильно любит, я подумала, а не завести ли мне собственную собаку. И, видишь? Генералу Ли приятно иметь сестричку.

Я с сомнением посмотрела на своего пса. Сестричка – это явно не совсем то, о чем он думал. Затем я перевела взгляд на кузину – пусть и дальнюю – и до меня дошло: завести собаку – это почти то же самое, что самому выбрать на свое усмотрение родственников.

Не дожидаясь приглашения, Ребекка проскользнула мимо меня в холл. Пучки преданно скакнула за ней следом, изящно вертя попкой, что, я даже не сомневалась, было призвано соблазнить моего пса. Я взяла Генерала Ли и погладила его по голове, просто давая ему понять, что не все женщины суки.

– Тебе что-то нужно? – спросила я, закрывая за собой дверь. С момента моей бурной сцены с Джеком, когда он заявил мне, что мне известно, почему его книга потеряла издателя, – и чему Ребекка была свидетельницей, – я избегала ее, желая стереть из памяти эту сцену. Похоже, ее это ничуть не смущало.

Ее взгляд медленно скользнул по моим пушистым тапочкам, мешковатым капри и гигантской футболке, и в конце концов остановился на моем лице, как бы говоря: «О, как низко пали великие».

– Надеюсь, что не все беременности выглядят так, иначе человечество давно бы вымерло. – Она медленно покачала головой. – Знаешь, если ты хочешь вернуть Джека, тебе придется постараться. Ему нравится, когда его женщины стройны и ухожены.

Она широко улыбнулась, как будто олицетворяя идеальную женщину Джека. Я же задумалась, смогу ли я обвинить гормоны беременности в любых физических актах насилия, совершенных против другого человека.

– Спасибо, Ребекка, как всегда, за твою проницательность. И если ты пришла лишь затем, чтобы поздороваться, давай поскорее покончим с этим. Меня ждет работа.

– Как ты можешь работать в таком грохоте? – спросила она, мотнув головой в сторону музыкальной комнаты.

– Нола практикуется, и, по-моему, очень даже неплохо. Мне нравится ее слушать.

Ребекка выгнула бровь, совсем как Скарлетт О'Хара в эпизоде на вечеринке для Эшли. «Интересно, – подумалось мне, – была ли моя кузина в числе тех подростков, которые практиковали в зеркале этот взгляд? И знала ли она, что, когда повзрослеет, у нее останется постоянная морщина?» Ладно, пусть

разбирается в этом самостоятельно.

Она повернулась и зашагала по коридору в дальнюю часть дома.

– Пойдем в кухню. Пучки нужна вода. А нам с тобой – поговорить.

«Дар» Ребекки – или как бы вы его ни назвали – заключался в ее снах, в которых будущее разыгрывалось в ярких красках. Я уже собралась спросить у нее, что она видела, но мое внимание привлекла вспышка света на ее левой руке, когда она потянула за поводок. Не успев схватить ее за левую руку, я последовала за ней на кухню.

– Что это?

Она растопырила передо мной пальцы, чтобы я могла лучше рассмотреть огромный камень в платиновой оправе на ее среднем пальце.

– От Марка. Мы решили пожениться.

В животе у меня зашевелился мой завтрак. Не скажу, что я сожалела о том, что мы с Марком Лонго расстались – он мне даже не особо и нравился, особенно после хитрой сделки, имевшей целью украсть историю Джека. Дело даже не в том, что я ревновала Ребекку, которая была моложе, красивее, стройнее – а теперь и помолвлена.

На моем пальце могло быть кольцо Джека. В конце концов, он сделал мне предложение. Просто ее жизнь была такой... размеренной. А моя то и дело взлетала в воздух, как булавы жонглера. По крайней мере – хотя я отказывалась поверить, что думаю об этом, – у меня есть мой дом. Он был единственной постоянной вещью в моей жизни, которая уж точно никогда не перестанет нуждаться во мне. Эта мысль успокоила меня, и я улыбнулась.

– Поздравляю, – сказала я и наклонилась, чтобы поцеловать ее в щеку. – Когда свадьба?

– Мы все еще прорабатываем детали, но дата назначена на двадцать второе марта. Мы еще не выбрали церковь, но уже забронировали для приема

«Альгамбру» – ты даже не представляешь, насколько сложно это было сделать! И я бы хотела, чтобы ты была моей подружкой невесты. – Ребекка просияла, как будто только что объявила о моей канонизации.

– Я... э-э-э... ребенок родится примерно в тех же числах...

– О, ты будешь просто очаровательна, беременная, там, у алтаря. В общем, будем считать, что ты согласна!

Я заморгала. Интересно, неужели помолвка влияет на женщин так же, как беременность, удаляя честь клеток мозга?

– А вдруг?..

Меня оборвал ее истошный крик.

– Пуччи! Ты ведь приличная девочка!

Я обернулась и увидела, что Генерал Ли пытается взобраться на спину маленькой собачки, и та, похоже, особо не возражает. Ребекка взяла свою любимицу на руки.

– Неужели моя девочка не может обойтись без домогательств? Надеюсь, Генерала Ли в свое время кастрировали.

– Понятия не имею. Если ты не забыла, я получила его в наследство.

– То есть ты даже не проверяла?

– Конечно нет. Кроме того, по-моему, он слишком стар для таких подвигов.

Ребекка поджала губы и глубоко вздохнула.

– Можно мне воды, Мелани? Я умираю от жажды.

Я села за стол.

– Конечно. Кстати, налей тогда заодно и мне.

Со злым взглядом она швырнула Пуччи мне на колени и достала из кухонного шкафчика два стакана. А когда вернулась с водой, оставила собачку у меня на коленях. Ребекка сидела, держа спину ровно, как будто на ней был корсет. А может, он и вправду на ней надет? Меня это бы совсем не удивило.

– Ты когда-нибудь отвечаешь на звонки, Мелани?

– Только по сотовому. Думаю, мне пора избавиться от стационарного телефона. Я уже сегодня разговаривала на эту тему.

– А как насчет телефонных сообщений в офисе? Ты когда-нибудь отвечаешь на них?

Я на мгновение задумалась.

– Если это потенциальный или реальный клиент, то всегда. Если он есть в моем списке тех, с кем я не хочу разговаривать, администратор знает, что такое сообщение принимать не стоит. Я хорошо выдрессировала Нэнси Флаэрти. – Нэнси обычно действовала согласно правилам, за исключением Джека. Я всегда получала его сообщения, хотела я их получать или нет.

Ребекка сделала глоток воды.

– Есть ли в твоем списке репортеры?

– В самом верху. Прямо под страховыми агентами и теми, кому нужен показ.

– Что ж, это многое объясняет. Одна из моих коллег, Сьюзи Дорф, пыталась заполучить тебя.

– Я никогда не разговариваю с журналистами, разве ты забыла? Я говорю с тобой только потому, что ты родственница.

Ребекка вновь выгнула бровь, и я со злорадством отметила, что морщинка на ее коже остается даже после того, как она ее опустила.

– Что ж, я рада, что пришла. Она готовит большой материал для воскресного выпуска газеты «Пост энд курьер». О мистере Вандерхорсте.

– Мистере Вандерхорсте? Моем мистере Вандерхорсте?

– О нем самом. Все, что ей нужно знать, – что ты решила сделать с домом. В завещании говорилось, что ты должна прожить в нем год, прежде чем сможешь его продать. Прошло уже больше года.

Я растерянно уставилась на нее. Как я могла забыть? С того самого момента, как я прочитала условия завещания мистера Вандерхорста, я считала дни, когда наконец я смогу снять с шеи эту обузу и избавиться от нее навсегда. Но где-то в процессе ремонта полов, замены сантехники и штукатурки на стенах, а также укрепления просевшего фундамента, это вылетело у меня из головы. Потому что среди этих дел, почти скрытых ежедневными заботами о деньгах и новых ремонтах, затаились мой прекрасный сад, ростомер маленького мальчика, нацарапанный на стене гостиной, умиротворяющий запах пчелиного воска и вздохи всех, кто жили и любили в этом доме и так и не смогли попрощаться с ним.

– Я пока не знаю. У меня было полно других забот. – Я погладила мой живот. – Мне не было острой необходимости продавать его через год. Да и вообще, я могу продать его в любой момент. Я еще не решила для себя.

Ребекка послала мне понимающий взгляд.

– Не знаю, Мелани. Если хочешь знать мое мнение, ты в нем увязла. Этот дом... он как ты. Станный и своеобразный, и, несмотря на возраст, все еще может хорошо выглядеть, если над ним потрудиться.

«Интересно, – задумалась я на мгновение, – осудят ли меня присяжные в составе двенадцати беременных женщин определенного возраста?» Пучки подняла голову и посмотрела на меня, не слезая с моих колен. Ее круглые карие глаза были полны тревоги.

Я разжала кулаки.

– Это все, Ребекка? Я должна вернуться к работе.

Она встала и взяла на руки свою собачку.

– Почти. Я обязательно передам Сьюзи то, что ты мне сказала, на тот случай, если это понадобится ей для статьи.

– Давай, как угодно. Что-то еще? – Я встала и направилась к кухонной двери.

– Я видела сон.

Я тут же застыла на месте.

– О чем?

– Сон про колыбель. Вообще-то две колыбели. И там была женщина, но она стояла ко мне спиной. Не думаю, что это была ты... она была очень миниатюрной. Но у меня сложилось впечатление, что она на что-то злилась. Мне было интересно, вдруг ты знаешь, что все это значит.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как на костях натягивается моя кожа.

– Такое впечатление, что все прямо-таки помешались на колыбелях, – сказала я как можно беспечнее. – У нас на чердаке есть старая колыбелька Вандерхорстов, и, похоже, Джулия Маниго оставила мне еще одну в своем завещании.

Ребекка прищурилась и нахмурила брови. Ей это не шло, и я заметила, что, когда она заговорила, морщинки между ее бровями не разгладились полностью. Отлично.

– Интересно, – сказала она. – Я дам тебе знать, если увижу еще какие-нибудь сны.

– Обязательно, – сказала я, открывая входную дверь. Генерал Ли твякнул, и я подобрала его, чтобы он попрощался со своей новой подружкой.

– Чем это пахнет? – неожиданно спросила Ребекка.

Я посмотрела на Генерала Ли, но его морда ничего не выражала.

– Я ничего не чувствую.

– Похоже на розы. Ты не чувствуешь? Пахнет очень сильно.

– Возможно, это тянет из сада – розы Луизы еще не отцвели.

Ребекка задумчиво посмотрела на меня.

– Говорят, что у некоторых людей гормоны беременности способны притупить или даже полностью погасить некоторые сверхъестественные способности. Возможно, именно поэтому ты ничего не чувствуешь.

– Может быть.

Я попрощалась и закрыла дверь. Поставив хныкающего Генерал Ли на пол, я, чтобы его взбодрить, легонько шлепнула пса, мол, не унывай, ты еще увидишь свою возлюбленную Пуччи, затем выпрямилась и глубоко вдохнула, но никакого запаха роз не ощутила.

Я медленно направилась в гостиную, где оставила свой ноутбук, а теперь и холодный кофе, и опустилась на стул. Я долго сидела там, слушая, как Нола играет на пианино, и все это время мне не давал покоя вопрос, правда ли, что, как сказала Ребекка, мое шестое чувство взяло себе отпуск на срок моей беременности. Я пыталась понять, рада я этому или нет. «Наверно, все-таки рада», – подумала я, закрыв глаза, и моей шеи коснулся холодный воздух.

Моя мать держала в одной, затянутой в перчатку, руке красный трикотажный балахон и такой же, но синий, в другой.

– Они будут красиво на тебе смотреться, Мелли. Думаю, тебе стоит их примерить.

– Это да. А когда они станут мне не нужны, я отдам их миссис Хулихан. Думаю, они ей подойдут.

Моя мать закрыла глаза, как будто пытаюсь собраться с силами.

– Дорогая, просто примерь, и все. Взгляни. – Она приложила ко мне красный. – Видишь глубокий овальный вырез? Он подчеркнет твою зону декольте, притягивая взгляд вверх, а не к твоей талии. Можешь носить его просто так, с красивым ожерельем или даже с ярким шарфом.

Я смотрела на бескрайнее полотнище трикотажа, отлично видя, чего она хочет от меня, но все равно сопротивлялась мысли о том, что мой новый размер ближе к габаритам миссис Хулихан, нежели та одежда, что висела в моем платяном шкафу. И этот размер продолжал увеличиваться.

– И ты знаешь, как сильно ты нравишься Джеку в красном, – продолжила мать, и ее глаза блеснули.

– Я примерю синий, но ты можешь повесить красный.

– Ерунда, – заявила она. – Сейчас ты больше от него не залетишь, так что можешь без страха носить все, что угодно. – Держа оба балахона, она перешла к следующей стойке и начала перебирать вешалки. – Кстати, как поживает детектив Райли?

Я притворилась, будто изучаю ткань бюстгальтера для кормящих, чье хитроумное устройство я никак не могла понять.

– Не считая небольшой вмятины на лбу от моей летающей пуговицы, похоже, он здоров.

– То есть это было приятное свидание?

Я закатила глаза.

– Никакое это не свидание. Мы просто пошли пообедать и поговорить о расследовании. Затем он рассказал мне немного о своем детстве, а я ему – о своем, после чего он отвез меня домой. Он даже не поцеловал меня на прощание, так что определенно это было не свидание. Но откуда ты о нем узнала?

– От Амелии. Она убита горем из-за вас с Джеком, но не хочет вмешиваться. Кстати, у нее есть красивая мебель. Она только что поступила в магазин и идеально подойдет для детской. Амелия хочет, чтобы ты пришла посмотреть. Она пока ее не выставляла, потому что знает, что ее тотчас же купят.

– Мама, ты же знаешь, что я не люблю антикварную мебель. Вспомни, что случилось с кукольным домиком.

Наши взгляды встретились. Мы обе вспомнили старинный кукольный домик, который Амелия подарила Ноле, тот самый, который, как выяснилось позднее, вмещал целое семейство беспокойных призраков.

– Вообще-то она новая. Амелия пошла на распродажу, и там продавался комплект мебели для детской – еще даже с бирками. Кстати, жутко дорогой и сделанный из красного дерева. Он будет красиво смотреться в вашем доме. Или в доме Джека, – запоздало добавила она, сумев, однако, вставить нотку неодобрения.

– Думаю, я могу пойти и взглянуть, – сказала я, пропустив ее последние слова мимо ушей. – Если только это не антикварная колыбель. У меня ее и так больше чем достаточно.

Мать странно посмотрела на меня.

– Что такое?

– Ничего, просто...

– Мама, ты говорила с Ребеккой? Она уже поведала мне про свой сон о двух колыбелях и сердитой женщине. Если это, конечно, то, что ты отказываешься мне рассказать.

Мать как будто вздрогнула.

– Вообще-то нет. Но спасибо, что сообщила мне. Что еще она хотела сказать?

– Это почти все. И что эта женщина определенно не я, потому что она была миниатюрной.

Мать кивнула и повернулась обратно к кронштейну с одеждой, но я видела, что одежда для беременных ее больше не интересует. Я шагнула к ней ближе.

– В чем дело?

Она поджала губы.

– Я говорила с твоей бабушкой.

Мы обе на минуту умолкли, задумавшись о том, что только мы двое, да, пожалуй, еще Ребекка, сочли бы разговор о телефонном звонке с того света в порядке вещей.

– Она сказала, что звонила тебе, но ты не отвечала на ее звонки.

Я покачала головой, не желая возобновлять этот разговор.

– Что она хотела?

– Она советует тебе быть осторожной. И не бояться просить о помощи – из любых источников.

Мать пристально посмотрела на меня, и я вспомнила, как Ребекка почувствовала в моем доме запах роз, а я нет.

– Призраки дают о себе знать, когда они чувствуют, что в них нуждаются? – спросила я.

– Ты о чем?

Я принялась перебирать вешалки с яркими балахонами, гигантскими платьями в форме палаток и брюками с кенгуриной «сумкой» для живота.

– Помнишь, как я по запаху роз всегда могла сказать, что Луиза Вандерхорст вот-вот появится? Ребекка почувствовала запах роз, когда была у меня дома, и я подумала, вдруг Луиза решила, что она мне нужна. В конце концов, ребенка тоже нашли в ее доме.

– Думаю, такое возможно. Но почему ты не почувствовала запаха роз?

– Не знаю. Ребекка утверждает, что иногда беременность может маскировать тот или иной дар. Это правда?

Моя мать пристально посмотрела на меня и положила руку в перчатке мне на плечо.

– Да. Во всяком случае, так было со мной. Когда я была беременна тобой, мне не нужно было носить перчатки – по крайней мере, со второго триместра. Я по-прежнему могла что-то ощущать, когда касалась тех или иных вещей, но между ними и мной как будто был своего рода фильтр. Возможно, это мать-природа таким образом защищает ребенка от стресса.

– Но все вернулось после того, как родилась я.

– Практически в тот же день. Я взяла у медсестры ручку, чтобы подписать документы о выписке, и увидела ее мать в онкологическом отделении на третьем этаже. Вот только ее мать на тот момент была дома и, насколько ей было известно, была здорова.

– Тебе это нравилось? Не иметь дел с призраками несколько месяцев?

Ее глаза были серьезны.

– Нет. Я думала, что так и будет, но на самом деле мне как будто ампутировали конечность. Или же разлучили с моим ребенком.

Я посмотрела на мать. Это все еще была красивая женщина, которую я помнила с детства. Я догадывалась: мы обе вспомнили те тридцать три года, когда она отсутствовала в моей жизни. Моя ладонь машинально легла на живот, а сердце как будто расширилось и сжалось, стоило мне подумать о разлуке с собственным ребенком. Неужели это и есть материнство? Когда некая часть вас гуляет вне вашего тела? Не будучи уверена, хочу ли это узнать, я отвернулась.

– Иногда мне хочется войти в антикварный магазин и не нарваться там на толпу призраков мертвых людей или посмотреть в зеркало, не задаваясь вопросом, кто там стоит позади меня. Или ответить на звонок и точно знать, что на другом конце провода живой, дышащий человек.

Мать подошла к столу, где были выставлены различные предметы нижнего белья и, нахмутив брови, начала их перебирать. Я поняла: она еще не закончила.

– Ты уже приняла решение остаться в своем доме? – не оборачиваясь, спросила она. – Ты ведь всегда можешь переехать ко мне на Легар-стрит. Там просторно, и нам обеим хватит места и уединения.

Она неожиданно покраснела, а я подумала о тайных визитах моего отца. Родители даже не подозревали, что я в курсе.

– Ты уверена, что не разговаривала с Ребеккой? Потому что она только что спросила меня о том же самом. И я сказала ей, что вряд ли есть какая-то спешка. Я сама с этим разберусь – рано или поздно.

Она подняла глаза и встретила со мной взглядом.

– Я не видела Ребекку. Это была твоя бабушка. Она просила передать, что тебе следует как можно раньше решить, чего ты хочешь. И тогда быть готовой сражаться за это.

Я почувствовала внизу живота легкую дрожь.

– Сражаться за дом?

– Если ты решишь, что ты этого хочешь.

Я открыла было рот, чтобы сказать ей, что я ненавижу старые дома, ненавижу с того момента, как узнала, что она продала наш семейный дом, хотя на протяжении многих лет говорила мне, что однажды он будет моим. И я ненавидела их, потому что в комплекте к ним всегда прилагались призраки, которым требовалась моя помощь. Но я не могла этого сказать. Потому что, положив руку на сердце, я была вынуждена признать: похоже, это больше не соответствует действительности.

Мать отложила что-то похожее на огромные бабушкины штаны и изобразила натужную улыбку.

– Тебе нужны новые бюстгалтеры. Давай примерим эти платья, а затем перейдем в галантерею и подберем тебе изделие нового размера. Чтобы быть в боевой готовности, когда в следующий раз пуговица решит слететь с твоего пиджака.

Я хотела возразить, но она уже повернулась ко мне спиной и шагала к примерочным. «Чем раньше ты поймешь то, чего ты хочешь, тем лучше. И тогда будь готова сражаться за это». Я смотрела ей вслед и дрожала, гадая, за что, по мнению моей бабушки, мне нужно сражаться. Мне было страшно даже думать обо всем, что я не хотела терять.

Мать высадила меня перед моим домом. Перед этим она заботливо предложила помочь мне с покупками, но я отказалась. Я валилась с ног от усталости и думала только о том, чтобы бросить пакеты в прихожей, а потом вырубиться на первом же попавшемся мне на пути диване.

Я толкнула входную дверь и замерла на месте. Софи сидела в позе лотоса посреди крыльца, ее глаза были закрыты, а средние и большие пальцы обеих рук образовывали круг. На ней был струящийся топ – похожий на платья, которые только что купила для меня мать, – но ее прикид был полон психоделических расцветок и узоров, от которых мой ланч тотчас начал проситься наружу. Ее «биркенстоки» стояли под одним из кресел-качалок, а босые ступни были спрятаны под обтянутыми пурпурными легинсами коленями.

В остальной части ее прикида не было ничего пурпурного – и слава богу! – но, по крайней мере, они сочетались с фиолетовыми резинками на ее волосах в десятке мест вокруг ее головы.

Она открыла глаза и в следующий миг перешла в положение стоя, что дало мне возможность лучше разглядеть ее наряд. И тут до меня дошло: похоже, Софи сможет носить свой гардероб на протяжении всей беременности. Эта мысль меня отнюдь не взбодрила.

– Извини! Миссис Хулихан сказала, что ты скоро будешь дома, поэтому я спросила ее, можно ли мне помедитировать здесь, пока я тебя жду.

Похоже, она заметила, как поникли мои плечи, потому что подошла ко мне и взяла часть пакетов с покупками.

– Ты ходила по магазинам... что хорошо. Но ты явно устала.

– Ты даже не представляешь, – сказала я, вставляя ключ в замок входной двери. – Не подумай, что я не рада тебя видеть, но разве у нас были планы? Моя память в последнее время меня постоянно подводит.

Софи вошла в холл и сложила пакеты у подножия лестницы.

– Нет. Но я провела небольшое исследование семьи мистера Вандерхорста. Так вот, я нарыла кое-что действительно интересное, о чем решила рассказать тебе лично. – Она выпрямилась. – Ой, пока не забыла! У твоей входной двери лежал сверток... Я положила его в кресло-качалку. Подожди минутку.

Она вернулась в своих «биркенстоках» и с коричневым бумажным свертком в руках. Бумага выглядела мягкой, и по ее поверхности, как по топографической карте, расходились мелкие складки. Как будто она промокла или была очень старой. Или и то и другое. Сверток был крест-накрест перевязан узловатой бечевкой, как то было принято до того, как современные упаковочные машины отправили эту практику в небытие.

Я сбросила туфли и, оставив их посреди пола вместе с пакетами для покупок, потянулась к свертку.

– От кого он?

– Не сказано. Здесь есть только адрес – Трэдд-стрит, пятьдесят пять, Чарльстон. Никакого почтового индекса или имени – как будто он был доставлен курьером. Но должна сказать, что на вид он действительно старый. Его как будто отправили в прошлом веке, до почтовых индексов и почтовых посылок, но он на сто лет застрял в капсуле времени, прежде чем вновь попал сюда. Или же... – Она остановилась, придерживая подбородок, что она обычно делала, погружаясь в раздумья. А вот волосы ее были зачесаны назад, и она при всем желании не могла накручивать их на палец.

– Или что?

– Или кто-то решил, что тебе нужно это увидеть сейчас.

Наши взгляды встретились в молчаливом осознании простой истины: то, что она предполагала, в моей жизни было вполне возможно. Я посмотрела на лицевую часть свертка, на элегантный курсив – каллиграфический почерк, каким сегодня больше не пишут – и мгновенно ощутила затылком знакомое покалывание. Жаль, что моей матери нет рядом, чтобы дотронуться до него. Тогда бы я знала, стоит ли мне его открывать. Но я не могла просить ее, как бы мне ни хотелось быть готовой заранее. Я придала своему голосу бодрость, которой не чувствовала.

– С тех пор как моя мать узнала, что я беременна, я только и делаю, что получаю подарки. Она обмолвилась об этом своему бывшему агенту, и я думаю, новость распространилась. Вся добыча в комнате наверху, и ты при желании можешь в ней порыться. Я понятия не имею, что там такое. – Я направилась в дальнюю часть дома, где слышала, как миссис Хулихан что-то напевает в кухне Генералу Ли. – Пойдем. Мне нужен кофеин, если я, конечно, найду – хотя бы капельку. Обещаю – и я уверена, что Нола оставила там заначку своего безвкусного зеленого чая. Если хочешь, угощайся. Мы откроем пакет, и ты расскажешь мне, что ты там обнаружила.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, как при упоминании кофеина Софи неодобрительно нахмурилась. Когда мы вошли, миссис Хулихан с сумочкой на руке выходила через черный ход. Она вновь сунула голову в комнату.

– Добрый вечер, мисс Мелани. У меня для вас в духовке греется вегетарианский мультизерновой пирог... из той поваренной книги о пренатальном питании, которую дала мне мисс Софи, и салат в холодильнике на ужин. Что же еще? – Моя экономка на мгновение задумалась. – Ах да. Если вам нужно будет уйти, убедитесь, что телевизор настроен на «Планету животных». Я только что обнаружила, что Генералу Ли нравится ее смотреть, а если ему интересно, он не станет жевать коврик под дверью. Доброго вечера, дамы, увидимся завтра утром.

Дверь за ней уже начала закрываться, как вдруг она открыла ее снова.

– Ой, едва не забыла! Дважды звонила некая Ирэн Гилберт и один раз – мистер Дрейтон. Оба сказали, что крайне важно, чтобы вы перезвонили им как можно скорее. Я не дала им номер вашего мобильного, но пообещала передать вам, что они звонили. Никто из них не оставил сообщения, но я записала их номера на блокноте рядом с телефоном.

Она помахала нам и закрыла за собой дверь.

– Мистер Дрейтон? – спросила Софи. – Разве он не был адвокатом мистера Вандерхорста?

– Был, – медленно сказала я. Покалывание у основания шеи усилилось. – Интересно, что ему нужно. Я не разговаривала с ним с тех пор, как было оглашено завещание мистера Вандерхорста. И я понятия не имею, кто такая Ирэн Гилберт.

Софи положила пакет на один из стульев у кухонного стола, затем вытащила другой, после чего принесла телефон и блокнот для сообщений.

– Может, сядешь и перезвонишь, а я пока приготовлю нам обеим по чашке зеленого чая.

Оба предложения звучали в равной мере непривлекательно. Я даже подумала, а не убежать ли мне в спальню и не запереть ли дверь. К сожалению, мне не хватало энергии, и Софи загнала бы меня в угол еще до того, как я добралась до другой стороны стола.

Я уже решила, что подожду, когда Ирэн Гилберт сама перезвонит мне, так как я не знала, кто она такая. Мистер Дрейтон оставил свой рабочий и мобильный номер, и я, прищурившись, чтобы их увидеть, набрала первый. После нескольких гудков сработал офисный автоответчик, что меня не удивило, так как был уже шестой час. Прежде чем положить телефон на стол экраном вниз я на секунду взглянула на номер сотового телефона.

– Неудачно? – спросила Софи, стоя рядом с раковиной, где она наливала воду в чайник.

Я покачала головой.

– Угу. Попробую еще раз завтра.

Я перевернула блокнот. Моя голова теперь практически звенела от тремора, который вырвался из основания моего черепа, словно побег лианы кудзу. Я была мастером побегов. Имея дело с призраками с самого детства, я по опыту знала: если игнорировать их достаточно долго, они – чаще всего – в конце концов оставят вас в покое. Я распространила эту теорию на все неприятные вещи, с которыми не хотела иметь дело. Я лишь недавно начала понимать: некоторые вещи, если их игнорировать, могут лишь усугубиться. Что, впрочем, не мешало мне вновь и вновь применять мою теорию на практике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/karen-uayt/vozvraschenie-na-tredd-strit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)